

Изъ писемъ императора Николая Павловича къ князю И. В. Паскевичу *)

С.-Петербургъ.

12-ю (24) Января 1848 г.

Уже нѣсколько дней какъ получилъ я твое письмо, любезный отецъ-командиръ, и душевно благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ и моимъ выздоровленіемъ. Теперь я почти совсѣмъ поправился. Заболѣлъ сначала грипомъ, потомъ, вѣроятно, простудился, получилъ перемежающуюся лихорадку, которая чуть было не перешла въ нервную; былъ потомъ долго ужасно слабъ, а пуще всего разстроила меня болѣзнь сына; у него тоже былъ гриппъ, и отъ простуды ли, или усталости, когда за меня работалъ, сдѣлалась сильная лихорадка, угрожавшая воспаленіемъ мозга и нервной горячкой; но Богъ помиловалъ: онъ тоже поправляется, хотя очень похудѣлъ. Зима у насъ ужасная.

Я никакъ не могу согласиться, чтобъ слѣдующія постоянно отъ Польши Россіи 3 милл., или 21 милл. злотыхъ, были уменьшены. Это вѣчная дань Царства Имперіи, потому этотъ расходъ долженъ предшествовать всѣмъ прочимъ внутреннимъ расходамъ Царства. Ежели недостаетъ способовъ, должно ихъ найти наложеніемъ или даже убавкою пенсіоновъ, но деньги Имперіи должны быть свято выплачены, во что бы то ни стало.

С.-Петербургъ.

2-ю (14-ю) Марта 1848 г.

Любезный отецъ-командиръ, сейчасъ получилъ я письмо короля Прусскаго, въ которомъ онъ въ самыхъ черныхъ краскахъ описывалъ происходящее во всей Германіи. Въ заключеніе онъ говоритъ, что по слухамъ, сообщеннымъ ему изъ Варшавы, готовятся въ Познани пере-

*) См. 1-ю книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 321 и 481.

рѣзать всѣхъ Нѣмцевъ и что, хотя не слѣпо вѣрить сему, однако вовсе не пренебрегаетъ симъ слухомъ и просить меня къ границѣ Познанской приблизить войска наши, чѣмъ, полагаетъ, умы сейчасъ успокоятся. Не могу въ этомъ отказать и уполномочиваю тебя подвинуть вдоль сей границы бригаду или чтò удобно будетъ. Черезъ границу безъ моего разрѣшенія однако не переходить. Теперь настало время подвинуть наши приуготовительныя мѣры, и сегодня же высылаю къ тебѣ деньги на покупку артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей для 2-го и 3-го корпусовъ, для артиллерійскихъ корпусовъ въ Царствѣ и одного понтоннаго тамъ же; я велѣлъ призвать къ ружью безсрочно-отпускныхъ этихъ же корпусовъ. Симъ покуда ограничу наши мѣры до дальнѣйшаго развитія обстоятельствъ. Посылка Рядовица во всемъ имѣла полный успѣхъ: они *) на все согласились, но просятъ сѣзда царей, который сдѣлать не въ Вѣнѣ, а въ Дрезденѣ; это согласно съ моимъ предложеніемъ королю. Мейндорфъ пишетъ, что духъ войскъ въ Пруссіи очень хорошъ, что въ краѣ хорошаго много, но есть и дурной духъ, которому не намѣрены уступать.

За то въ южной Германіи до того плохо, какъ и на Рейнѣ, что самъ король Виртембергскій хотѣлъ услатъ свое семейство, на что моя Ольга не согласилась: хочетъ, какъ прямая Русская, раздѣлить опасность съ тѣмъ, съ кѣмъ Богъ ей опредѣлилъ дѣлать участь. Онъ требуетъ уже помощи отъ Австрійскихъ и Баварскихъ войскъ, вблизи расположенныхъ, — вотъ настоящее. Будущее въ рукахъ Божіихъ; ежели король Прусскій будетъ сильно дѣйствовать, все будетъ еще возможно спасти; въ противномъ случаѣ придется намъ вступить въ дѣло.

*

С.-Петербургъ.

10-го (22-го) Марта 1848 г.

Ежели король Прусскій, опираясь на испытанную вѣрность войскъ, подавить бунтъ въ Берлинѣ оружіемъ, а не уступчивостью. и исполнить ожиданіе всѣхъ благомыслящихъ, ополчась на помощь низвергнутыхъ правленій, я въ томъ убѣжденъ, что даже, несмотря на всякія глупости, законный порядокъ можетъ быть возстановленъ. Но ежели король сдастся тоже, тогда въ Германіи все потеряно, и намъ однимъ придется стоять грудью противъ анархіи, призвавъ Бога на помощь. О сию пору не перемѣню плана, о которомъ условились. Однако, быть можетъ, что при новомъ Австрійскомъ правленіи они дадутъ волю революціи, затѣютъ что-либо противъ насъ въ Галиціи; въ такомъ случаѣ, не дамъ сему развиваться, но именемъ самого императора Фер-

*) Т е. Франкфуртскій сеймъ.

динанда займу край и задущу замыслы. Мои извѣстія изъ Берлина по 4-е (16-е) вечеромъ; войска дѣйствовали славно и были въ такомъ раздраженіи на чернь, что съ трудомъ ихъ удерживали; авось слухи, до насъ дошедшіе, несправедливы.—Киселевъ пишетъ, что въ Парижѣ ждать должно скоро новаго переворота, самаго кроваваго. Чтò въ Германіи происходитъ, и описать нельзя; тамъ близко ко Французскому, и правительство только еще существуетъ по названію.

Что-то Поляки наши затѣвають? При малѣйшей попыткѣ короткій имъ конецъ.

Здѣсь тоже все спокойно. Выѣзды за границу я вовсе запретилъ, сдѣлай тоже у себя; въѣздъ къ намъ только за личной отвѣтственностью нашихъ министровъ и съ моего предварительнаго разрѣшенія; вели тоже и по Польшѣ и въ особенности прекрати свободный въѣздъ по желѣзной дорогѣ.

*

С.-Петербургъ.

13-ю (25-ю) Марта 1848 г.

Здѣсь не только безсрочные являются съ большимъ усердіемъ, но даже отставные солдаты просятъ на службу; трогательно видѣть! Духъ прекрасный. Завтра выдаю манифестъ, который счелъ нужнымъ выдать, дабы объявить мой взглядъ на дѣло и мои намѣренія. Событія въ Вѣнѣ хотя пріутихли, но я сему не вѣрю. Мысли Славянскихъ католическихъ провинцій соединяются, движеніе въ Краковѣ, Польскій легионъ въ Парижѣ и, наконецъ, тайное увѣдомленіе короля Виртембергскаго ко мнѣ изъ достовѣрнаго источника, что Ламартинъ обѣщалъ Полякамъ восстановление Польши; все это мнѣ знакомо, что здѣсь ждетъ насъ борьба. Я велѣлъ сказать въ Лондонѣ, что на волосъ не уступлю изъ своихъ правъ и припоминаю имъ съ ними заключенный по сему трактатъ, *c'est un bon avertissement pour eux* *). Неслыхано-бы было, ежели-бъ Австрія и Пруссія были довольно дерзки и глупы провозгласить воскресеніе Польши: имъ же хуже, ибо тогда Польша будетъ наша, а не для другихъ.

Вели, для безопасности курьеровъ, имѣть на почтахъ по нѣскольку казаковъ для сопровожденія, буде нужно.

*

С.-Петербургъ.

15-ю (27-ю) Марта 1848 г.

Пишу тебѣ, мой любезный отецъ-командиръ, съ фельдъегеремъ, котораго посылаю къ дочери. Прошу тебя направить его по той дорогѣ, которая по обстоятельствамъ, тебѣ болѣе извѣстнымъ, чѣмъ мнѣ, менѣе опасна будетъ.

*) Это хорошее для нихъ предувѣдомленіе.

Сегодня вечеромъ узнали мы про декларацію короля Прусскаго, гдѣ онъ объявилъ, что становится главой Новой Германіи и уничтожаетъ Пруссію. Посмотримъ, кто послѣ подобныхъ его дѣйствій захочетъ признать его за свою главу!

Геройскому поведенію Прусской гвардіи видѣть подобную награду! Подобное уничтоженіе взрываетъ всякое благородное сердце. Мы всѣ поражены, какъ громомъ. Король теперь слѣпое орудіе демагоговъ, которые имъ ворочаютъ какъ куклой и все его заставляютъ сдѣлать, даже самое подлое. Давно ли просилъ меня объ помощи противъ Позена¹⁾, теперь же дозволилъ имъ себѣ обѣщать, что они будутъ ему помогать противъ насъ! Не мерзость ли? Вчера издалъ я манифестъ свой; онъ указываетъ всѣмъ, и нашимъ, и врагамъ, что я хочу, не трогая другихъ, но и не позволяя трогать себя; въ этомъ вся моя задача. Приказалъ по Литвѣ сдѣлать обезоруженіе. Хочу велѣть собрать всѣхъ помѣщиковъ въ губернскіе города, чтобъ имѣть ихъ подъ рукой и велю объявить, чему подвергнутся при малѣйшемъ видѣ къ бунту; лучше его предупредить, чѣмъ къ нему допустить.

С.-Петербургъ.

*

16-ю (28-ю) Марта 1848 г.

Теперь, при совершенномъ безначаліи въ Пруссіи, мы отъ Познани должны всего ожидать, но не арміи, а бунтующихъ массъ. Отъ Галиціи тоже: ибо, по положительному объявленію графа Фикельмона Фонтону, они хотятъ удерживать тамъ свое владычество и препятствовать безначалію военной рукой, какъ дѣлаютъ въ Ломбардіи, войны же намъ не объявятъ, ибо хотятъ съ нами оставаться въ добромъ согласіи. Потому, повторяю, покуда съ Австрійской границы жду однихъ шаекъ.

Прусская держава тоже меня въ военномъ отношеніи покуда не страшитъ; король своей прокламаціей навязалъ себѣ на шею такую обузу при теперешнихъ обстоятельствахъ, что не знаю, какъ поладить съ прочей Германіей. Ни Австрія его главою не признаетъ, ни многія другія изъ южной Германіи; что-жъ онъ будетъ дѣлать? При этомъ положеніи, чтобы онъ для одной Польши соединилъ свои силы противъ насъ, нѣтъ ни вѣроятія, ни даже возможности. Итакъ, мы должны оставаться въ оборонительномъ, почти кордонномъ расположеніи, *sur le qui vive*²⁾, обращая самое бдительное вниманіе на собственный край, дабы всѣ попытки дома укрощать въ самомъ началѣ. Для того необходимо, чтобъ Литва и Самогіція были сильно заняты. Повторяю,

¹⁾ Т. е. противъ волненій въ Познани.

²⁾ Французская поговорка: на чеку.

продовольствіе и укрощеніе всѣхъ попытокъ къ мятежу важнѣе всего, войны же ни съ Пруссіей безначальной, ни съ Австріей я теперь не предвижу. Ежели будутъ прорывы заграничныхъ шаекъ, ихъ надо отражать, взятыхъ съ оружіемъ начальниковъ судить по полевому уголовному положенію и тутъ же казнить, но за границу не преслѣдовать, отнюдь. Вотъ что хочу, и ежели Богъ поможетъ, это должно удасться. Теперь прошу тебя, хоть на колѣняхъ, береги себя ради Бога, и не забудь, что на тебѣ лежитъ! Посылаю къ тебѣ твоего сына и поручаю ему еще болѣе объ томъ отъ меня просить. Про п. Пруссаго*) ничего не знаемъ; въ газетахъ сказано, что онъ увхалъ не къ намъ, а въ Лондонъ. Буде старые вѣрные Прусскіе офицеры и даже люди вѣрныхъ войскъ спастись будутъ къ намъ, вели ихъ принимать и отводить внутрь; потомъ скажу, что имъ дѣлать, но оказывать всякое заслуженное уваженіе братскимъ приемомъ и оружія не отбирать.

*

С.-Петербургъ.

22-ю Марта (3-ю Апрѣля) 1848 г.

Войны все еще нельзя предвидѣть, а будутъ набѣги, попытки къ бунтамъ и что гораздо хуже—тайная война на умы войскъ и края. Противъ сего нельзя быть намъ довольно осторожными. На ругательства и прочее, чѣмъ насъ за границей потчуютъ, на это мы должны смотрѣть съ презрѣніемъ и ждать. Для сего нужны намъ провіантъ и военное продовольствіе, но не разорять край реквизиціями, а платить чистыми деньгами, дабы край признавалъ пользу, а не тягость занятія, ибо намъ надо непременно народъ привязывать матеріальными выгодами. Деньги есть и будутъ, хотя тратить ихъ должно расчетливо. Реквизиціи же разоряютъ край и возстановятъ противъ насъ, чего Боже упаси! Здѣсь хлѣба гораздо болѣе, чѣмъ мы полагали даже; можно доставлять и въ Ригу, и въ Либаву, куда хочешь. Покуда въ Малороссіи хлѣба въ продажѣ немного, но и его отправить по Королевскому каналу очень можно. Покуда я, кромѣ казаковъ, гвардіи не трону, ибо не зачѣмъ. Притомъ у тебя хлѣбъ въ заготовѣ быть долженъ на текущее продовольствіе; во всякомъ случаѣ это надо зачать непременно. Шведскій король у себя славно справился; можно надѣяться, что устоитъ. Въ Пруссіи анархія полная, и отгадать нельзя что будетъ, особенно въ Познани. Дѣла Австрійскія съ отложеніемъ Ломбардіи стали еще хуже. Покуда еще въ Вѣнѣ члены правленія люди поря-

*) Т. е. принца Пруссаго, будущаго императора Вильгельма, любимаго брата имп. Александры Феодоровны. Пролитъ потоки крови на Берлинскихъ улицахъ, онъ къ вечеру страшнаго дня (5 (17) Марта 1848) переодѣтый увхалъ на Западъ и потомъ до 1857 г. жилъ въ Кобленцѣ, пока не сдѣлался регентомъ вслѣдствіе умопомѣшательства короля.

дочные, но устоятъ ли при отсутствіи главы—ибо ея нѣтъ, вотъ чему сомнѣваюсь. Про Францію и говорить нечего: это хаосъ, вертепъ изверговъ, готовый на все. Теперь изверглось на Германію 12 тыс. самыхъ отчаянныхъ изверговъ всѣхъ націй, дабы всюду разнести убійства и грабежъ и, сладивъ тамъ, они хотятъ и къ намъ; пусть сунутся, примемъ съ должной почестью! Пиши мнѣ про духъ войскъ, офицеровъ, начальниковъ; что толкуютъ Поляки? Все это мнѣ важно знать. Здѣсь покуда все тихо и хорошо; отпускные молодцы, даже дни не проходить, чтобъ не просились гвардейскіе отставные на службу; умиленно ихъ видѣть!

23-го (4-го). Сегодня баронъ Мейндорфъ сообщаетъ намъ, что Адамъ Чарторижскій и все демократическое общество прибыли въ Берлинъ, что вслѣдъ за ними ожидаютъ Польскій легіонъ и что Адамъ предлагаетъ Хржановскаго въ начальники войска, которое въ Познани формироваться должно; съ другой стороны, что туда шлютъ Прусскія войска, чтобъ удержать порядокъ; что къ нему, Мейндорфу, приходятъ отъ войска сильныя, положительныя увѣренія, что они противъ насъ дратся за Поляковъ не хотятъ и что отъ публики и даже народа тѣ же увѣренія.

*

С.-Петербургъ.

29-ю Марта (10-ю) Апрѣля 1848 г.

Вчера вечеромъ я получилъ твое письмо, любезный отецъ-командиръ, за которое я душевно благодарю. Ты получилъ мои окончательныя разрѣшенія по провіантской части; я соглашаюсь на твои предложенія, хотя и нехотя, но съ условіемъ платить деньгами, а не квитанціями, и со строгимъ наблюденіемъ, чтобъ деньги доходили до рукъ продавцовъ. Тоже признаю необходимымъ снабдить всѣ крѣпости всѣми запасами по утвержденному положенію. Поздно будетъ о семъ думать, когда непріятель будетъ на носу и хотя нѣтъ вѣроятія покуда къ войнѣ, но быть готовыми ко всему требуетъ строгая предосторожность.

Сегодня Мейндорфъ и Бенкендорфъ пишутъ согласно, что расположеніе къ войнѣ противъ насъ въ Пруссіи постепенно утихаетъ и что сами Поляки сему причиной своими неистовствами, которыя возбудили вновь всю ненависть къ нимъ Нѣмцевъ. Чарторижскій всячески старается унять Поляковъ въ ихъ порывахъ, рассчитывая вдаль и надѣясь на смуты у насъ мужиковъ. По слухамъ, дѣйствительно въ Самогиціи, куда послалъ Анрепа и жду отвѣта, и на Воляни, народъ въ волненіи противъ помѣщиковъ. Тоже мнѣ подтвердилъ и воротившійся оттуда ф.-ад. мой, п. Бетанкуръ. На это вели обращать строгое

вниманіе всѣмъ губернаторамъ и при малѣйшей искрѣ неповиновенія вели строго наказывать, а въ случаѣ нужды и дѣйствовать оружіемъ.

30-го (11-го). Только что дописалъ эти строки вчера вечеромъ, какъ получилъ курьера, еще перваго изъ Берлина, и извѣщеніе объ посылкѣ сюда чрезъ Познань и Варшаву генерала Пфуля, съ личными порученіями короля, и самыя положительныя увѣренія, что они отнюдь не хотятъ войны съ нами. Теперь, вѣроятно, онъ уже въ Варшавѣ и тебѣ лично обо всемъ доложить. Радуюсь сему, желаю вѣрить, но буду вооружаться по прежнему, ибо не полагаюсь на эти увѣренія, какъ увѣренія такихъ людей, которые сами въ своихъ словахъ, въ томъ, что могутъ или не могутъ, сами не увѣрены. Сегодня получилъ довольно хорошія свѣдѣнія изъ Галиціи; но Мирковичъ¹⁾ очень боится за Литву; жду, что мнѣ донесетъ Анрепъ, котораго послалъ объѣхать всю Самогицію.

С.-Петербургъ.

*

6-ю (18-ю) Апрѣля 1848 г.

Кажется, что поляколюбіе въ Берлинѣ пропадаетъ, благодаря обыкновенной Польской безсмыслицѣ; теперь желаю только, чтобъ они хорошенъко подрались, и славно было бы, ежели бъ они попались между Прусскихъ и нашихъ войскъ; это былъ бы праздникъ и сблизило бы опять войска, которыя никогда бы не должны были иначе дѣйствовать, какъ заодно²⁾. Въ Берлинѣ хотя и потише, но настоящаго правительства все еще нѣтъ и долго быть еще не можетъ. Но въ Вѣнѣ дѣлается гораздо хуже; тамъ, въ отсутствіе правительства, производится столько началъ разрушенія, что я не вижу спасенія. Считаю, что Ломбардія потеряна; Венгрія, своей дерзкой глупостію наживъ Имперіи всѣ бѣды, теперь хочетъ довершить, какъ кажется, совершеннымъ отдѣленіемъ и мечтаетъ взбунтовать княжества, дабы завладѣть устьями Дуная! Галиція еще въ недоумочномъ положеніи. Кажется, у нихъ нѣтъ единства въ намѣреніяхъ, и простой народъ ничего не хочетъ кромѣ покоя. Теперь прибытіе всѣхъ шаекъ изъ Парижа, можетъ быть, прибавитъ еще затрудненій; что же будетъ рѣшено про это въ Вѣнѣ, и предвидѣть трудно. Однако изъ предосторожности я велѣлъ въ Левѣ, въ

¹⁾ Виленскій генералъ-губернаторъ. См. его Записки въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890, I, 3.

²⁾ Мысль о дружбѣ между нашими и Прусскими войсками была завѣтною мечтою Николая Павловича; но Калишскіе маневры обнаружили невозможность ея осуществленія. Въ тѣхъ же видахъ сближенія, Русскій рубль уподобленъ былъ Прусскому талеру. Въ семь послѣднемъ дѣлѣ орудовалъ Полякъ Тенгоборскій, хорошо понимавшій, сколько вреда въ круной монетной единицѣ. Пруссія позднѣе сама понизила ее до марки, но у насъ не позаботились этому подражать.

Бессарабіи, поставитъ 15-ю дивизію съ ея артиллерією, саперный баталіонъ, стрѣлковый баталіонъ, гусарскій полкъ, казачій полкъ и конную батарею, дабы въ случаѣ нужды сейчасъ занять Молдавію по Сереть. Теперь важно знать, что было въ Лондонѣ; страшно подумать, ежели тамъ что произойдетъ, и полагать надо, что они сами того опасаются по огромности и важности принятыхъ противу мѣръ.

Не полагаешь ли полезнымъ перевести капиталы, хранимые въ банкѣ, въ цитадель?*)).

С.-Петербургъ.

9-го (21-го Апрѣля) 1848 г.

Какъ я радъ, что дураки Поляки своими поступками разгнѣвали Пруссаковъ. Пусть же теперь хлебають сами кашу, которую сварили. Кажется, Виллизенъ и въ Берлинѣ надоѣлъ; его, говорятъ, отозвали. Коломбъ молодець, я его знаю; онъ съ ними сладитъ; и чѣмъ больше подерутся, тѣмъ лучше; вѣроятно и къ намъ бѣгутъ шайки. Надѣюсь, что Редъ имъ задастъ славный урокъ. Какъ я радъ, что Прусскіе гусары поохотились на нашихъ бѣглецовъ; ничто имъ! Вели имѣнія этихъ каналій конфисковать. Любопытно знать, что откроется по заговору въ Варшавѣ. На сей разъ въ Лондонѣ попытка шартистовъ не удалась, благодаря твердости правительства, мѣрамъ Веллингтона и здравому разуму большей части жителей.

С.-Петербургъ.

20-го Апрѣля (2-го Мая) 1848 г.

Сегодня еще въ первый разъ по революціи жена моя получила письмо отъ короля; и—ни слова про все бывшее, какъ будто ничего не было. Однако говорить, что Поляки мошенники и что онъ желаетъ, чтобъ они попались тебѣ въ руки, чтобъ ты ихъ могъ повѣсить. Вотъ тебѣ образчикъ его головы! Затѣмъ хвалитъ насъ за наше долготерпѣніе и проч. Стыдно и жалко читать. Датское дѣло приняло самый серьезный оборотъ, и первое его послѣдствіе будетъ разореніе Прусской торговли; право не знаю, чѣмъ это кончится.

С.-Петербургъ.

28-го Апрѣля (10-го Мая) 1848 г.

Положеніе дѣлъ въ Европѣ становится день отъ дня хуже и хуже. Король Прусскій, слѣпое орудіе революціонной партіи, вдался въ не-

*) Позднѣе, въ дни Крымской войны, Русскіе капиталы перевозимы были назадъ изъ Лондона въ Петербургъ (слышано отъ одного мелкаго чиновника военного вѣдомства, который былъ въ числѣ посланныхъ для того въ Англійскій банкъ).

справедливую войну противъ Даніи и тѣмъ принудилъ уже Швецію и меня объявить, что мы не можемъ сего допустить, но примемъ сіе за объявленіе намъ войны, и уже король Шведскій посылаетъ 15 т. войска въ Данію на помощь. Желаю, чтобъ сіе предвареніе остановило безсмысленность короля, но опасаюсь, что онъ слишкомъ съ ума сбрелъ, чтобъ остановиться, и тогда война неминуема *). Для того настоятельно прошу тебя велѣть 1-й легкой кавалерійской дивизіи слѣдовать на Литву ближайшимъ путемъ, дабы корпусъ имѣлъ свою кавалерію при себѣ; сіе необходимо, дабы въ случаѣ войны мы могли наводнить восточную Пруссію кавалеріей, дабы не дать имъ очнуться и собраться.

Что говорятъ про происходящее въ Познани? Не судъ ли это и кара небесная постыдному королю? Тотъ, котораго повѣсиль слѣдовало, но которому онъ кланялся съ балкона, тотъ теперь съ оружіемъ въ рукахъ бьетъ его войска! Гадость и жалость. Свиданія нашихъ офицеровъ съ Прусскими на границѣ хорошее дѣло, ежели чистосердечно; но частыхъ повтореній не нужно, доколь все не утихнетъ.

*

Царское Село.

10-го (22-го) Мая 1848 года.

Извѣстіе объ добромъ къ намъ расположеніи Прусскихъ офицеровъ съ одной стороны очень утѣшительно, но плачевно, хоть и справедливо ихъ негодованіе на короля и желаніе быть подъ принцемъ Прусскимъ. Но я вполне раздѣляю твое и ихъ мнѣнія, что онъ одинъ, ежели у него достанетъ духа и рѣшимости, еще можетъ спасти Пруссію отъ полнаго разрушенія. Какъ сіе сдѣлать, не рискуя свергнуть короля, т. е. самимъ дѣйствовать революціонно: такая трудность, такая задача, что и не придумаю. Одно теперь почти рѣшено, что Пруссія не можетъ и не хочетъ насъ атаковать; что въ Познани сами Поляки уничтожили то, что было въ ихъ пользу затѣяно, и потому, что и сей опасности не предстоитъ. Весь вопросъ съ этой стороны нынѣ: будетъ ли республика или установится монархія, безсильная, мнимая, и все тутъ. Зная характеръ принца Прусскаго, сомнѣваюсь очень, чтобъ онъ умѣлъ найтись; развѣ король теперь же откажется отъ престола, что повлечетъ сейчасъ же признаніе республики въ Берлинѣ, но въ такомъ случаѣ и армія, и большая часть провинцій навѣрно обратятся къ принцу Прусскому, какъ къ законному наслѣднику. Покуда намъ должно выжидать, елико можно поддерживать добрыя

*) Вотъ какъ думалъ Николай Павловичъ. При сынѣ его для Прусской лукавой политики была своя воля. Есть письмо о томъ митрополита Филарета (1866). Онъ называлъ дѣйствія Пруссіи грабежемъ и винить попустителей.

сношенія съ Прусской арміей, не показывая однако, чтобъ мы въ нихъ искали, но отвѣчать только на ихъ добрыя чувства къ намъ. Богъ укажетъ, что далѣе намъ возможно. Вчера вечеромъ по телеграфу узналъ я о бѣгствѣ изъ Вѣны императора и семейства въ Инсбрукъ. Это опять неожиданно; понимаю, что они ищутъ быть среди вѣрнаго народа и избѣгнуть плѣна или диктаторства каналій. Покуда армія вѣрна, и ежели успѣхи Радецкаго продолжатся, то, можетъ быть, это къ лучшему. Прагское воззваніе къ Славянамъ надо было ожидать по довольно мнѣ тамъ извѣстному духу; но отвѣчать на оное не будемъ: не наше это дѣло. Будемъ ждать и смотрѣть, чѣмъ это все кончится. Жду извѣстій изъ Берлина въ отвѣтъ на мое объявленіе, что буде атакуютъ собственно Данію, приму это за разрывъ съ нами. Но, кажется, они насъ боятся и не допустить до того.

На-дняхъ отправилъ сына Константина въ Штокгольмъ. Король себя ведетъ очень хорошо; я предложилъ ему нашъ флотъ для перевозки его войскъ въ Данію; не знаю, захочетъ ли предложеніемъ моимъ воспользоваться. Мейндорфъ пишетъ сегодня, что, кажется, Датское дѣло не поведетъ къ разрыву съ нами и что, какъ кажется, дѣло идетъ на мировую. Пишутъ тоже, что разнесся слухъ, будто Французы скоро выступятъ въ Италію и перейдутъ Рейнъ, такъ чтобы возстановить Польшу. Милости просимъ! Другого важнаго ничего не получалъ.

*

Александрія близъ Петербурга.

29-го Мая (10-го Юня) 1848 г.

Сейчасъ узналъ по телеграфу о пріѣздѣ въ Потсдамъ принца Прускаго и скорѣе жалѣю сего, чѣмъ радуюсь; ибо вдали онъ былъ предметомъ надеждъ здравомыслящей партіи, на мѣстѣ же истинно окажется ея посломъ, т. е. послушнымъ волѣ короля или иначе. О!!! Съ этимъ исчезнуть, боюсь я, всѣ надежды на возстановленіе порядка, и все пропадетъ. Что въ Вѣнѣ происходитъ—еще гаже, чѣмъ въ Берлинѣ, и о сию пору нельзя придумать, чѣмъ все кончится. Радецкаго побѣда не мало порадовала; дай только Богъ, чтобъ онъ былъ дѣятеленъ и умѣлъ воспользоваться симъ успѣхомъ. Въ Неаполѣ король умѣлъ значительно поправить свои дѣла, и войско его дралось хорошо. Тѣмъ стыднѣе, что ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ не успѣли того же сдѣлать!!! Боюсь, чтобъ Датчане не сдурачили; ихъ глупая атака, тогда какъ Пруссаки по моему настоянію оставили Ютландію, и глупа, и дерзка; и я имъ объявилъ это. Сына тамъ приняли какъ нельзя лучше. Сокрушаетъ меня, что въ арміи опять сильная болѣзненность и въ особенности въ Муромскомъ полку, да и побѣги сильны. Для послѣднихъ

придется сдѣлать нѣсколько примѣровъ по полемому уголовному положенію.

Напоминаю объ дѣлѣ сватовства Езерскаго на Бобринской; нельзя ли уговорить отца, чтобъ не дурачился, а далъ свое согласіе, хотя по моему желанію?

Александрія, близъ Петергофа.

10-го (22-го) Іюня 1848 г.

Подробности бывшаго въ Прагѣ, происшедшаго въ Венгріи и дѣлающагося въ Вѣнѣ столь же любопытны, какъ крайне горьки. Чтò изъ всего этого выйдетъ, можно предвидѣть, то-есть паденіе Австріи; но послѣдствія паденія сего могутъ быть многоразличны. Каковы бы они ни были, одно положительно намъ важно, это то, чтобъ опять не возродилось, съ согласія ли, или безъ согласія императора, отдѣльное самостоятельное новое царство въ Галиціи, подъ именемъ Польскаго или Славянскаго. Ежели будетъ такъ, то я непременно вступлю въ Галицію и присоединю къ Россіи древнее ея достояніе. Ибо край сей можетъ быть только или Австрійскимъ или Русскимъ; иного не могу допустить никогда, во что бы то ни стало.

Ни Богеміи, ни Моравіи, ничего другого не приму подъ скипетръ Россіи, даже ежели-бъ объ этомъ настоятельно просили, ибо оно было-бъ прямо противно выгодамъ нашимъ. Готовъ бы даже отдать половину Польши, но Галиціи никому не уступлю, коль скоро она перестанетъ быть областью Австріи. Предваряю тебя объ этомъ, чтò впрочемъ ты отъ меня часто слыхалъ, дабы твои соображенія имѣли сіе въ виду. На это употребимъ 4-й корпусъ и, буде нужно, 2-й резервный кавалерійскій или драгунъ; все это подъ рукой. Дюгамель*) пишетъ, что необходимо смѣнить Стурдзу въ Молдавіи и что сему краю угрожаетъ нашествіе каналій изъ Трансильваніи съ помощью Поляковъ и всякаго сброда; ежели такъ будетъ, наши войска вступятъ по Сереть, хотя, признаюсь, мнѣ этого очень не хочется. Въ Берлинѣ, думаю, близко къ развязкѣ: или будетъ скоро республика, или правительство наконецъ будетъ принуждено дѣйствовать какъ бы достоинству его давно прилично.

Пріѣздъ принца Прусскаго самая плачевная глупость; послѣ того я на него мало имѣю надежды, ибо кажется, что онъ потерялъ духъ. Холера другой день что пришла къ намъ. Буди воля Божія; беремъ всѣ мѣры, не пугаюсь.

*

*) Александръ Осиповичъ (по отцу внукъ короля Станислава Понятовскаго). Автобіографія его въ трехъ книгахъ „Русскаго Архива“ 1885 года.

*Александрія, близъ Петерюфа.
21 Юня (3-го Юля) 1848 года.*

Въ Пруссіи мы близки къ плачевной развязкѣ, ежели король не рѣшится дѣйствовать заодно съ арміей и съ массой народной, вопреки своимъ глупымъ мечтамъ, которыя его погубили и весь край. Уже явно говорятъ, что съ нимъ нечего дѣлать, даже армія, ежели не такъ говорить изъ долга чести, то такъ мыслить; но всѣ хотятъ кончить съ Берлиномъ, ибо никто въ мысли народной не хочетъ предаться новымъ идеямъ. Въ Австріи менѣе единства, національности всѣ злобно возбуждены одна противъ другой, силы нигдѣ и воли еще менѣе; какая же будущность? Дѣла въ Италіи немного исправились, но Радецкій требуетъ усилить его 25-ю тыс., что не скоро сдѣлаешь, а между тѣмъ Венгерцы съ Кроатами дерутся, и страшно, ежели лучшіе полки Радецкаго, Кроаты, узнавъ, что у нихъ дома происходитъ, вдругъ бросятъ армію. Дай Богъ, чтобъ не было, но опасуюсь, что имперія распадется. Крайне мнѣ прискорбно, что Дюгамель, испуганный смутами въ Валахіи, рѣшился самъ отъ себя предложить Герценцвейгу вступить въ Молдавію. Не убѣжденъ я въ сей необходимости и опасуюсь большихъ затрудненій.

Здѣсь у насъ другая бѣда—холера въ высшей степени: заболѣваетъ до 800, умираетъ до 500 человекъ въ день. Въ войскахъ она тоже дѣлаетъ много жертвъ, даромъ что стоятъ въ лагерѣ. Чуть было въ городѣ не дошло до беспорядковъ отъ глупой мысли отравы. Я строго наказалъ перваго зачинщика и, объѣхавъ городъ, увѣщевалъ быть смиренными. Покуда удалось. Неурожай угрожаетъ многимъ губерніямъ, и наконецъ пожары поглощаютъ городъ за городомъ и много селъ и деревень; словомъ, хлопотъ много. Утѣшный мнѣ духъ войска; да сохранить ихъ Господь отъ жизненной и душевной грозы!

*

*Александрія, близъ Петерюфа.
29-ю Юня (11-ю Юля) 1848 г.*

Къ счастью, войска наши не перешли Прутъ, чему я очень радъ, и не перейду безъ крайней необходимости, развѣ Турки меня попросятъ и вмѣстѣ пойдутъ. Холера у насъ сильно свирѣпствуетъ, доходило до 1.062 больныхъ въ день и 680 умершихъ! Войска въ городѣ сильно страдаютъ, въ лагерѣ меньше. Крайне опасуюсь развитія ея по арміи, и крайне прошу тебя самого быть сколько можно осторожнымъ для себя. Прошу тебя объ этомъ именемъ Россіи. Сраженіе въ Парижѣ—ужасный урокъ; но откроетъ ли кому глаза, право, не думаю; не думаю также, чтобъ было послѣднимъ, а полагаю скорѣе, что борьба

будеть еще долго продолжаться и что одна военная власть и на время усмирить можетъ; но кто сей герой быть можетъ, одинъ Богъ знаетъ!

Изъ Берлина все тѣже вѣсти безначалія. Король нуль, принцъ нулемъ сдѣланъ, войско горитъ нетерпѣніемъ, страхъ объ нашемъ появленіи—и все тутъ. Эрцъ-герцогъ Іоганнъ, говорятъ, принялъ новое свое званіе; посмотримъ, что онъ сдѣлаетъ. Радецкій въ Италіи хочеть продолженія, но дадутъ ли что придумать для успѣха?

Ежели послѣдуетъ разрывъ съ Пруссіей, мы не должны искать завоеваній, но ограничиться дѣйствіями, которыя бы только усилили наше оборонительное положеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что Польша не представляетъ въ семъ отношеніи никакой возможности до самой Вислы, ибо правый нашъ флангъ окрыленъ восточной Пруссіей, тогда какъ лѣвый въ томъ же невыгодномъ положеніи къ сторонѣ Галиціи, и на всемъ пространствѣ, отъ границъ Шлезіи до самой Вислы, весь край не представляетъ никакой опорной точки. Потому, при оборонительной войнѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, ежели не будемъ имѣть успѣха съ самага начала дѣйствій разбитіемъ непріятели, значительный отпоръ нашъ будетъ на берегахъ Вислы. Но, когда разрывъ съ Пруссіей откроетъ намъ свободу дѣйствій, часть невыгодъ географическаго нашего расположенія можетъ быть исправлена немедленнымъ занятіемъ восточной Пруссіи по Вислу.

Полагаю, что это исполнить можно довольно удобно, предназначивъ на это 1-й и 2-й корпуса, предоставя 3-му и части 4-го охраненіе Польши и наблюденіе за Галиціею.

2-й корпусъ долженъ былъ бы спуститься вдоль по правому берегу Вислы, наблюдая за Торунью и Грауденцомъ, тогда какъ 1-й выступилъ бы въ предѣлы Пруссіи отъ Августова и, оставивъ вправо Лецень, направился бы на Гутштадтъ и Браунсбергъ.

Прусскій 1-й корпусъ будетъ или противиться нашему вступленію или, быть можетъ, недовольный теперешнимъ порядкомъ дѣлъ въ Пруссіи, согласится на бездѣйствіе, заключивъ условія, подобныя бывшимъ въ 1813 году; но ни то, ни другое не можетъ ни остановить, ни измѣнить нашего образа дѣйствій. Мы вступимъ не врагами, но прежними друзьями; сражаться будемъ только съ тѣми, которые отважатся намъ сопротивляться.

1-й корпусъ будетъ уничтожать сопротивленіе или, въ случаѣ мирнаго пріема, направится дальше къ Эльбину и Данцигу.

Достигнувъ Вислы, мы остановимся; въ то же время гренадеры и гвардія подойдутъ къ Нѣману и Нареву и составятъ сильный резервъ.

Резервныя войска займутъ Литву и Курляндію. Казачьи полки присоединятся къ арміи.

Тогда предстанеть вторая эпоха. Пруссія, занятая внутреннимъ неустройствомъ, или въ безуміи прибѣгнетъ къ Германскому союзу, прося помощи, и захочетъ сдѣлать войну общую, или въ Пруссіи послѣдовать можетъ совершенный переворотъ, т. е. всѣ старые Пруссаки и, можетъ быть, часть арміи не захотятъ съ нами войны, недовольные новымъ порядкомъ дѣлъ, воспользуются нашимъ появленіемъ и, свергнувъ новое правленіе, присоединятся къ намъ, дабы съ нашею помощію возстановить прежній порядокъ.

Первый случай имѣеть нѣкоторое вѣроятіе, ежели опасеніе нашегствія Французовъ не остановитъ дѣло въ самомъ исполненіи. Тогда обстоятельства одни рѣшатъ, идти ли намъ далѣе, или къ какимъ мѣрамъ намъ приступить будетъ выгоднѣе.

Второй случай, сколько-бъ я его ни желалъ, менѣе вѣроподобенъ; несомнѣнно, что партія желающихъ сего существуетъ, но духъ долга и вѣрности присягѣ въ войскѣ такъ еще силенъ, что врядъ ли оно не останется вѣрнымъ долгу, хотя и противъ своихъ душевныхъ желаній. Но ежели такой бы переворотъ и послѣдовалъ, мы ему не иначе должны способствовать, какъ только служа опорой или резервомъ; но предоставимъ имъ самимъ дѣйствовать, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла.

Наконецъ, ежели-бъ дѣйствительно вся Германія, несмотря на опасенія со стороны Франціи, за одно съ Пруссіей обратилась на насъ, тогда, имѣя линію Вислы предъ собой, мы несомнѣнно будемъ въ сильнѣйшемъ оборонительномъ положеніи, чѣмъ нынѣ. Положеніе сіе было-бъ еще сильнѣе, ежели бы было вѣроятіе, что крѣпости на Вислѣ: Торунь, Грауденць и наконецъ Данцигъ, открыли намъ ворота; но на это считать не должно.

Эти строки были написаны за два мѣсяца тому. Съ той поры обстоятельства во многомъ перемѣнились. Пруссія не только не можетъ помышлять о наступательной войнѣ противъ насъ, но часть силъ ея отвлечена безразсудною войною съ Даніей; другая только что укротила мятежъ въ Познани; третья удержана въ Потсдамѣ и окрестности Берлина, ожидая ежечасно минуты, гдѣ дозволено будетъ войску наказать вѣроломный Берлинъ и смыть незаслуженный позоръ, нанесенный Прусскому знамени въ прошломъ Мартѣ. Войско еще вездѣ вѣрно своему долгу; тѣже чувства питаетъ большая часть ландверовъ и даже сельское населеніе и нѣкоторые изъ большихъ городовъ. Духъ враждебный

противъ насъ исчезъ въ войскахъ и замѣняется все болѣе надеждой на нашу помощь.

Итакъ наступательной войны отъ Пруссіи ожидать нынѣ никакого повода.

Съ этой стороны могутъ представиться только два случая къ военнымъ дѣйствіямъ, а именно: ниспроверженіе существующей королевской власти и установленіе всеобщей республики, или призывъ насъ на помощь королевской власти, ежели собственныхъ способовъ не достанетъ, чтобы укротить анархію.

Первый случай полагаю я менѣе вѣроятнымъ съ каждымъ днемъ, ибо Берлинъ и Бреславль одни ищутъ республики; весь же край и вся армія противъ; частное провозглашеніе не увлечетъ край, доколь армія вѣрна долгу и духъ въ краѣ не въ конецъ испорченъ.

Но второй случай можетъ легко сбыться, ежели покушеніе усмирить Берлинъ и Бреславль не будетъ имѣть успѣха и король будетъ просить нашей помощи.

Въ ней отказать мы не можемъ, но не безусловно.

Вотъ что полагаю тогда исполнить: такъ какъ призывъ сей будетъ безъ нашего предложенія, намъ дозволено требовать необходимыхъ условій, чтобъ помощь наша не нарушала нашей собственной безопасности. Намъ нуженъ залогъ: я требовать буду ввести свой гарнизонъ въ Торунь, совмѣстно съ Пруссимъ.

Тогда, оставивъ въ Польшѣ и на Воляни 4-й корпусъ для прикрытія тыла и лѣваго фланга, оставивъ 3-й корпусъ противъ Шлезіи и Познани, двинуть полагаю 2-й и 1-й въ Пруссію, направивъ вслѣдъ за ними гренадеръ и гвардію.

Оголять лѣвый нашъ конечный флангъ отнюдь нельзя, и по обстоятельствамъ княжествъ, и по неопредѣлительности ожидаемаго въ Австріи. Двѣ дивизіи пѣхоты и 5-я легкая 5-го корпуса необходимы для прикрытія Бессарабіи и, можетъ быть, для занятія Молдавіи по Сереть. 4-й корпусъ занимать долженъ одной дивизіей Волянь, двумя Люблинскую губернію и Варшаву. Останется три свободныхъ корпуса, кромѣ гренадеръ и гвардіи и резервной кавалеріи. Изъ сихъ корпусовъ 3-й долженъ прикрывать лѣвый флангъ дѣйствующихъ войскъ, отдѣливъ что нужно для гарнизона въ Торунь.

Итакъ мы никакого раздробленія боевого состава войскъ не имѣемъ нужды дѣлать и отнюдь допускать не должны. Мы явимся въ цѣломъ составѣ своихъ корпусовъ и будемъ тѣмъ сильнѣе.

Александрія, близъ Петербурга.

*

5-ю (17-ю) Юля 1848 г.

Письмо твое отъ 29-го Юня (11 Юля) я получилъ три дня тому, за которое душевно благодарю, мой любезный отецъ-командиръ. Душевно благодарю и за то, что мнѣ откровенно пишешь, что для меня дорого, ибо ты знаешь всю мою къ тебѣ довѣренность, дружбу и благодарность; надѣюсь, что и впередъ такъ же мнѣ и писать, и говорить всегда будешь; иного не жду отъ тебя безъ обиды мнѣ. Вполнѣ дѣлю твое мнѣніе, что Дюгамель крайне неосторожно поступилъ, заставивъ насъ перешагнуть границу; ежели дѣйствительно Турецкій отрядъ долженъ къ намъ примкнуть, то дѣло приметъ нѣсколько лучшей оборотъ; во всякомъ случаѣ, укротивъ мятежъ въ Молдавіи, я хочу воротить войска свои и ни въ какомъ случаѣ не переходить Сереть и выступать въ Валахію.

Тоже раздѣляю твое мнѣніе на неудобство столь широкой операционной базы. Нѣсколько сему поможемъ, передвигая резервную дивизию 4-го корпуса въ Подоль. Соединенной Германіи подъ однимъ скипетромъ не вѣрю; ожидаю скорѣй междоусобной брани между Сѣвера и Юга, и никакъ не думаю, чтобы эрцъ-герцогъ Іоаннъ былъ такой геній, который бы невозможное сдѣлалъ быточнымъ.

Республика близка къ Южной Германіи; она можетъ быть и въ Берлинѣ, не въ Пруссіи; въ Южной Германіи не вижу ей никакой препоны, развѣ въ Баваріи; въ Берлинѣ же она не состоится, ибо войско еще вѣрно и горитъ желаніемъ смыть нанесенный ему позоръ, столь незаслуженный. Повторяю: теперь, мнѣ Германія ничуть не страшна, она слишкомъ животою больна.

У насъ, по военной части, кромѣ холеры, идетъ все прекрасно. Холера здѣсь на столько стихаетъ, что съ 1.086 заболѣвавшихъ въ сутки дошли мы вчера до 326 и съ 553 умирающихъ до 227. Въ Красномъ Селѣ войска блаженствуютъ, ибо видно болѣзнь кончается; но зато бѣдные гренадеры потеряли изъ 600 больныхъ болѣе 200. Страшусь, когда болѣзнь достигнетъ Варшавы и главныхъ квартиръ арміи. Богъ милостивъ! Но ты самъ крайне себя береги, молю тебя. По войскамъ вели строго наблюдать, чтобы точно выводили полные ряды; мы все слабо выходимъ, даромъ что людей довольно. Прикажи болѣе заниматься стрѣльбой въ цѣль, разсыпнымъ строемъ, форпостной службой и правильной атакой и защитой мостовъ. Вотъ покуда и все высказалъ. Объ домашнихъ казакахъ на Волыни и Подоліи жду мнѣнія Бибикова, что дѣлать можно.

*

Александрія, близъ Петергофа.

11-го (23-го) Юля 1848 г.

Обстоятельства столь неожиданно, столь быстро мѣняются, что едва сдѣлаешь одно распоряженіе, какъ новое обстоятельство опять принуждаетъ измѣнить предыдущее. Такъ было вчера. Получивъ письмо твое, я отмѣнилъ предполагавшееся движеніе гренадеръ и кавалеріи, сходно мнѣнію твоему. Въ полдень прибылъ изъ Копенгагена курьеръ съ извѣстіемъ, что генераль Врангель ослушался короля Прусскаго, отзываясь, что, давъ присягу Франкфуртскому правленію, онъ не обязанъ слушать короля; отказалъ въ перемиріи и хотѣлъ возобновить военныя дѣйствія. Можешь себѣ вообразить, что все это произвело въ Даніи.

Сейчасъ велѣлъ написать королю Прусскому, что я держусь смысла намѣренія его, которое выказалъ, давъ Врангелю приказаніе заключить перемиріе и возвратить войска. Съ омерзѣніемъ узналъ объ ослушаніи Врангеля и ожидаю, что король велитъ прямо своимъ генераламъ, вѣрнымъ долгу, не слушаться его, а воротиться съ войсками. Иначе, повторяю королю, что шагъ дальше будетъ сигналомъ войны съ Россією. Послѣ объѣда прибыли письма изъ Берлина отъ Мейндорфа, Бенкендорфа и самого короля къ женѣ. Король виѣ себя; послалъ г. а. Неймана къ Врангелю съ повелѣніемъ слушаться и воротить войска, или что его отставить. Посмотримъ, что будетъ изъ этого!..

Мейндорфъ пишетъ, что король, обманутый и обиженный выборомъ эрцъ-герцога Іоанна, до того разочарованъ насчетъ мнимаго германизма, что сбросилъ съ себя Германскую кокарду и явно ее осмѣиваетъ. Что послѣ того думать еще объ немъ!! Король пишетъ женѣ, что только ждетъ возвращенія своихъ войскъ изъ Голштиніи, чтобъ ввести ихъ въ Берлинъ и укротить анархію, и что ежели отъ стороны Германіи ему будетъ угрожать опасность, то надѣется на насъ. Каково это? Виндигрецъ пишетъ мнѣ подъ величайшимъ секретомъ, что онъ въ ужасномъ положеніи, что въ Вѣнѣ анархія нынѣ, какъ и прежде, и что на эрцъ-герцога Іоанна никакой нѣтъ надежды, ибо онъ точно такъ же плохъ, какъ и прежній; что изъ Инсбрука ему пишутъ, чтобъ онъ продолжалъ дѣйствовать какъ Толль, что одна надежда на него; что войско всегда вѣрно, но что онъ уже предвидитъ, что настаетъ время, когда онъ прибѣгнетъ къ нашей помощи.

Наконецъ, сегодня Медемъ пишетъ, что Англійскій посолъ въ Инсбрукъ Понсонби пишетъ своему правительству, что насъ слѣдуетъ благодарить, что мы вступили въ Молдавію, дабы дать добрый урокъ анархистамъ. Изъ этихъ короткихъ строкъ ты можешь заключить,

каково мнѣ среди всего этого, и что всѣ мои усилія къ тому клонятся, чтобъ быть къ всему готовыми. Повторяю тебѣ мою просьбу отвѣчать мнѣ положительно: двинуть ли резервные баталіоны въ гарнизонъ въ Брестъ, или нѣтъ и занять ли Вильну гренадерами, ибо ты мнѣ въ письмѣ ничего про это не говоришь.

12-го (24-го). Прилагаю при семъ выписку изъ письма Бенкендорфа, весьма по моему замѣчательнаго и справедливаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ войны Германія не представитъ намъ прежняго театра войны; но что вся мѣстность столько же пересѣчена разработкой, сколько и желѣзными дорогами, коихъ насыпи или углубленія всѣ перемкли и крайне затрудняютъ движенія. Въ семъ отношеніи очень быть можетъ, что огонь штуцеровъ, искусно приспособленный къ новой войнѣ, будетъ весьма губительнымъ противникомъ, ежели съ нашей стороны мы не будемъ въ равныхъ тактичныхъ условіяхъ. Потому твердое, основательное изученіе разсыпного строя и цѣльная стрѣльба совершенно необходимы намъ, равно какъ и привычка къ хорошему примѣненію къ мѣстности. Симъ настоятельно прошу велѣть строго и прилежно заниматься, на прямой отвѣтственности корпусныхъ командировъ. Нельзя тоже терять намъ изъ виду, что мы одни остались съ кремневыми ружьями и драться будемъ съ войсками, кои всѣ имѣютъ ружья ударныя, и потому вся выгода въ семъ отношеніи будетъ на сторонѣ противниковъ. Скоро переимѣнить ружья не можемъ. Вотъ тебѣ мои замѣчанія, которыя тебѣ передаю, какъ мнѣ представляются. Скажи мнѣ, чтò думаешь.

*

*Александрія, близъ Петербурга.
20-ю Юля (1-ю Августа) 1848 г.*

Странусъ появленія холеры и ея губительныхъ дѣйствій по арміи. Нѣтъ почти мѣста въ Россіи, гдѣ-бъ она не свирѣпствовала, но нигдѣ такъ сильно, какъ на Дону и въ Оренбургѣ. Здѣсь она, благодаря Богу, слабѣетъ примѣтно, но въ войскахъ все еще вырываетъ людей и иногда весьма скоро. Радуюсь побѣдѣ Радецакаго; желалъ бы только, чтобъ Сардинскаго короля поколотилъ. Сегодня пришла счастливая вѣсть, что Гергебель взятъ кн. Аргутинскимъ и безъ потери; это важно.

Какъ Датское дѣло кончится, право, не знаю. Дѣла съ Франкфуртомъ и Берлиномъ близки къ разрыву; въ Инсбрукѣ крайне недовольны эрцъ-герцогомъ Іоанномъ; въ Вѣнѣ все идетъ къ чорту; словомъ, каша, отъ которой Боже насъ упаси! Пиши мнѣ про наше молодецкое войско, чтò они дѣлають, какъ занимаются, здоровы ли, сыты ли, бодры ли?

Ежели Богъ поможетъ, въ Сентябрѣ я надѣюсь ѣхать къ тебѣ, на Бобруйскъ и Брестъ, и повидаться, ежели до того покоя не будетъ, ибо ни за что теперъ ручаться нельзя.

Александрія, близъ Петергофа.

24-го Юля (6-го Августа) 1848 г.

Доходятъ до меня свѣдѣнія, что войска на Литвѣ терпятъ крайній недостатокъ въ приваркѣ, по бѣдности края; надо сему помочь и жду только представленія, что нужно для сего? Въ политикѣ новаго нѣтъ; дѣло Голштинское остановилось на запрещеніи, данномъ эрцъ-герцогомъ Іоанномъ генералу Врангелю, не только что входить въ Ютландію, но даже и возобновлять военныя дѣйствія; не знаю, чѣмъ кончится. Въ Берлинѣ признають, что ген. Врангель съ ума сбрель, но не смѣють его смѣнить! Спасибо Радецкому, что колотитъ Сардинскаго; по шеѣ ему, канальѣ; золь я на него!

Петербургъ.

2-го (14-го) Августа 1848 г.

Спѣшу отвѣтить, дабы скорѣе дать разрѣшеніе на требуемую прибавку къ продовольствію. Я совершенно признаю ее необходимой и разрѣшаю не двѣ, а 4 винныхъ порціи въ недѣлю, докуда холера будетъ продолжаться, дабы каждый день давать людямъ по $\frac{1}{2}$ чаркѣ, а въ Воскресенье полную.

Сверхъ того велѣлъ я кн. Чернышеву послать къ тебѣ молодого доктора Линсберга, который подъ руководствомъ Мандта особенно удачно лечилъ холеру; изъ всѣхъ методъ его оказала самые счастливые результаты; кромѣ того, велѣлъ ему я написать записку объ сей методѣ; прошу велѣть ей слѣдовать.

Въ Пруссіи, кажется, отъ слабости короля все идетъ очень плохо; теперъ онъ ѣдетъ цѣловать руку эрцъ-герцогу Іоанну на Рейнѣ. Въ Вѣнѣ тоже идетъ все хуже и хуже; одинъ старикъ Радецкій—герой и вѣрная армія представляютъ утѣшительную картину; честь и слава имъ! Можетъ быть онъ спасаетъ государство, буде предоставятъ ему дѣйствовать свободно.

Александрія, близъ Петергофа.

17-го (29-го) Августа 1848 г.

Новыя попытки въ Берлинѣ гадки до-нельзя, а равнодушіе къ тому правительства явно доказываетъ его ничтожество, или скорѣе самого короля. Какъ всѣмъ частнымъ людямъ, наконецъ, не потерять всякое терпѣніе, какъ арміи остаться вѣрною при такомъ униженіи? Право, это сверхъ силъ человѣческихъ.

Не знаю, право, какъ вывернуться изъ смѣты; теперь уже не досчитываемъ болѣе 10-ти милл.!!! Ужасно. Надо вездѣ беречь копѣйку, вездѣ обрѣзывать что только можно и изворачиваться однимъ необходимымъ. Здѣсь все тихо. Изъ Парижа шлютъ къ намъ какого-то генерала Фло, Flauht, en mission politique, хвалятъ его и говорятъ, что онъ ничуть не республиканецъ; посмотримъ, что будетъ. Про Германскія свинства и не говорю: надоѣло! Ежели съ Даніей не кончатъ, войдемъ въ Пруссію, хотя, признаюсь, очень нехотя; да долѣе терпѣть нельзя.

*

Александрія, близъ Петергофа.

23-го Августа (4-го Сентября) 1848 г.

24-го (5-го). Сегодня, наконецъ, получили мы извѣстіе, что король Прусскій подписалъ перемиріе съ Даніей и возвратилъ свои войска. Слава Богу! Оно тѣмъ счастливѣе, что, вѣроятно, будетъ ссора между Пруссіей и Франкфуртомъ, что почитать слѣдуетъ за счастливое событіе. Теперь король свободенъ дѣйствовать всѣми силами противъ Берлина и, какъ говорятъ, намѣренъ при первомъ случаѣ его бомбардировать. Крайне, крайне пора!

*

Царское Село.

1-го (13-го) Сентября 1848 г.

Третьяго дня, воротясь со свадебнаго вечера сына Константина, нашель я твоего фельдъегера съ письмомъ отъ 27-го Августа, за которое благодарю, любезный отецъ-командиръ.

Крайне меня сокрушаетъ распространеніе холеры по всей арміи и множество жертвъ, ею поглощенныхъ; но буди воля Божія! Будемъ только стараться, чтобъ помощь была дана во-время и достаточная. Не вели учить или по меньшей мѣрѣ учить крайне бережно и отнюдь не болѣе двухъ часовъ утромъ во всѣ 24 часа; не рано подымать людей, шинели надѣвать въ рукава сверхъ мундировъ, ежели погода чуть ненастная, а во всякомъ случаѣ съ 5-ти часовъ вечера до смѣны. Словомъ, все дѣлать, чтобъ людей беречь. Нельзя ли по мужицкимъ домамъ, гдѣ стоятъ постоянно войска, велѣть передѣлывать печи въ Русскія?

Берлинскія извѣстія Мейндорфа предвѣщаютъ близкій разрывъ съ Франкфуртомъ и свалку въ самомъ Берлинѣ. Это было-бъ хорошо, ежели-бъ во главѣ всего стоялъ человекъ съ духомъ и умомъ, а не тотъ король, который своимъ безразсудствомъ поставилъ свое государство на край пропасти и лишился всякаго довѣрія всѣхъ честныхъ людей; съ нимъ нѣтъ спасенія. Во Франкфуртѣ бѣснуются, и все идетъ къ скорому разрыву Сѣвера Германіи съ Югомъ. Вотъ и union germa-

pique. Очень любопытно знать, удастся ли Кавеньяку воспрепятствовать вмѣшательству въ дѣла Италіи? Онъ рѣшительно противъ, но устоятъ ли? Дѣла въ Вѣнѣ очень плохи; въ Венгріи все идетъ къ чорту, и Елачичъ беретъ верхъ, и это было-бъ прекрасно, ежели-бъ правительство умѣло симъ воспользоваться.

Жду, что въ Краковѣ будетъ каша; пристанутъ многіе изъ нашихъ по всѣмъ вѣроятіямъ; но важнаго у насъ быть не можетъ, а будетъ нѣсколькими каналами меньше и православныхъ имѣній свободныхъ побольше. Ежели дѣла примутъ оборотъ къ войнѣ, намъ нельзя будетъ и думать объ отпускахъ и продажѣ лошадей, и это очень тяжело.

*

Царское Село.

15-го (27-го) Сентября 1848 г.

Король Прусскій въ своемъ письмѣ дѣлаетъ ужасную картину своего положенія (кто виноватъ?) и весьма правильно излагаетъ, что ему предстоитъ, но увѣряя (а я не вѣрю), что рѣшился дѣйствовать со всей силой и натискомъ. Въ случаѣ неудачи просить меня о помощи въ трехъ случаяхъ: 1) ежели не сладитъ въ Берлинѣ, 2) ежели сладитъ въ Берлинѣ, но возстаніе будетъ общее и Германія на него обратится, 3) ежели и Франція на него обратится.

На все это я ему отвѣчалъ, что Россія была давно готова идти ему на помощь, доколь была старая Пруссія; но что онъ самъ старую Пруссію низвергъ, и съ этимъ вмѣстѣ нашъ тѣсный союзъ; что Россія не можетъ быть союзницей тѣхъ, кои, поправъ свое старое преданіе, слѣдуютъ знамени бунта, признавъ его своимъ. Воротись Пруссія къ старому, подъ свое старое знамя, тогда Россія выполнить свято то, что старый союзъ опредѣлилъ, но до того ни шагу не сдѣлаю; довольно и того, что отвѣчаю ему за безопасность его границъ отъ Мемеля до Австріи, почему и можетъ взять оттуда всѣ свои войска. Что ежели будетъ ему неудача, власть королевская рушится и замѣнится республикой, тогда долгъ мой будетъ, обязанность Россіи, и что, можетъ быть, ринусь возстановлять Пруссію, не ту, какую король сотворилъ на свою гибель, но прежнюю, подъ законами, подъ которыми процвѣтала подъ предками короля и ему сдана нашимъ любимымъ покойнымъ королемъ, и подъ сими условіями радъ буду, ежели Богъ насъ сподобитъ, ввести его обратно въ его столицу.

*

Царское Село.

23-го Сентября (5-го Октября) 1848 г.

Слава Богу, что дѣло подъ Вѣной принимаетъ, сколько кажется, хорошій оборотъ; нельзя сему не радоваться и, кажется, можно пола-

гать, что на сей разъ каналы, тамъ собранныя, и въ головѣ ихъ Бѣмъ, получаютъ добрый урокъ.

Для того бы мнѣ очень хотѣлось, чтобъ городъ не сдался, а взять былъ или бомбардировкой или штурмомъ, дабы и духъ войскъ поднять.

Мы имѣли радость обнять дочь Ольгу, которая три дня что къ намъ прибыла. Любопытно слушать ея рассказы—ужасъ!

На Кавказѣ было у насъ два славныхъ дѣла: защита Ахтовъ и разбитіе Шамиля княземъ Аргутинскимъ; оба дѣла геройскія, въ особенности защита Ахтовъ, рѣдкій примѣръ героизма.

*

Царское Село.

2-го (14-го) Октября 1848 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что происшествія въ Вѣнѣ имѣтъ будутъ свой отголосокъ и въ Берлинѣ, и почти сего желать надо, дабы конецъ положить ужасному состоянію, которое безмолвно разрушаетъ и послѣднія надежды къ восстановленію порядка. Нельзя безъ омерзѣнія слѣдить за происходящимъ тамъ. Подлость, трусость и глупость имѣютъ своего постояннаго представителя въ лицѣ короля, къ которому презрѣніе, и заслуженное, не знаетъ уже мѣры. И въ цѣлой Пруссіи не найдется ни одного человѣка, который бы по примѣру Юрка и Елачича взялъ бы на себя спасти отечество! Срамъ.

Сегодня получилъ курьера изъ Парижа. Киселевъ пишетъ, что съ нами очень желаютъ сблизиться; но что ни за какую стойкость правительства отвѣчать нельзя, какъ и вообще за всякій порядокъ; что рѣзня будетъ; но что всего вѣроятнѣе, что послѣ рѣзни восстановится чисто монархическое правленіе, ибо всякое другое, не соединяющее все и полную власть въ однѣхъ рукахъ и одного лица—совершенно невозможно!!! Это послѣ 70 лѣтъ революціи!

*

Царское Село.

12-го (24-го) Октября 1848 г.

Кн. Виндишгрець пошелъ на Вѣну съ Богемскими и Моравскими гарнизонами. Теперь армія Венгерская (ежели есть армія, а не просто сбродъ) пошла ли въ тылъ Елачичу и Ауэрспергу, нельзя еще понять; во всякомъ случаѣ подъ Вѣной, кажется мнѣ, рѣшится—быть ли Австрійской имперіи или исчезнуть.

Присутствіе императора въ Ольмюцѣ заставляетъ меня полагать, что, быть можетъ, въ случаѣ неудачи, онъ не обратится ли къ намъ; въ такомъ случаѣ дай мнѣ сейчасъ знать и вели его принимать со

всѣми почестями и, ежели пожелаетъ ѣхать въ Варшаву, вели его помѣстить въ Бельведерѣ. Назначь къ нему отъ моего имени г.-а. Дьякова и сына твоего, а къ императрицѣ дежурить по очереди фрейлинъ. Ни за что ручаться нельзя, что быть можетъ. Ежели будетъ удача намъ всѣмъ, то надѣюсь, что положить конецъ революціонному порядку; въ противномъ случаѣ, чрезъ малое время придется снова начинать.

Берлинскія дѣла тоже весьма невѣрный приняли оборотъ. Держать войска много и для празднаго присутствія при всѣхъ неистовствахъ, которымъ не умѣютъ или не хотятъ положить конецъ. Было бы смѣшно даже, ежели бы не влекло за собой гибели невозвратной.

Замѣчательно, что вездѣ теперь все Поляки въ головѣ революцій, даже въ Сардиніи Польскій легіонъ, и говорятъ что Харжановскій назначенъ начальникомъ штаба короля.

Ты знаешь, что кн. Ілія Долгорукій скончался, и М. П.*) просилъ меня назначить къ нему въ начальники штаба Безака; я не могъ ему въ этомъ отказать, ибо нахожу, что онъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора.

*

Царское Село.

23-ю Ноября (5-ю Декаря) 1848 г.

Въ Пруссіи весь вопросъ затрудненій въ одной личности короля, котораго никто не понимаетъ и понять не можетъ, но который все останавливаетъ, все портитъ своей двуличностью, своимъ безразсудствомъ и глупыми мечтаніями. Послѣднее еще болѣе вредить; ибо каналы, зная его, весьма искусно ласкаютъ его любимыя мысли и увлекаютъ въ такое направленіе, которое согласно съ ихъ видами: уничтожить Пруссію подъ предлогомъ невозможнаго слитія съ Германіей, признавъ будто императоромъ короля!!! Хорошо, что войска и даже ландверъ покуда въ хорошемъ духѣ; но будетъ ли еще такъ, когда дастся конституція, а по обѣщанію армія ей должна будетъ присягать? Покуда наша роль не можетъ измѣниться: мы должны, какъ оно ни тягостно, оставаться вооруженными зрителями плачевной сей трагедіи. Долго ли, одинъ Богъ знаетъ! Намъ въ ихъ дѣла вмѣшиваться не время; вступимъ тогда, когда воля Россіи сдѣлается закономъ Германіи, къ ихъ счастью. Будемъ держать нашу славную армію въ строгомъ порядкѣ; приложимъ старанія поддерживать ея славный духъ, усовершенствовать то, что еще, можетъ быть, того требуетъ, и когда настанетъ время, тогда, перекрестясь, скажу тебѣ—съ Богомъ! и грянемъ ангелами мира и устройства. Вотъ наша цѣль.

*) Т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ.

С.-Петербургъ.

6-ю (18-ю) Декабря 1848 г.

Неожиданный прїѣздъ эрцъ-герцога съ столь же неожиданной вѣстїю насъ крайне удивилъ. Впрочемъ я полагаю, мой любезный отецъ-командиръ, что оно можетъ быть къ лучшему, ибо молодой императоръ никакими ожиданїями не связанъ; бодръ умомъ и тѣломъ, имѣетъ вѣрную армію и испытанныхъ людей, готовыхъ возстановить порядокъ; и такъ, быть можетъ, все будетъ къ лучшему. Между тѣмъ конституція въ Пруссїи положила вѣнецъ всѣмъ глупостямъ, которыя ознаменовали послѣднее время. Надежда, будто будущія камеры отвергнутъ ее и возродятъ власть королю, мнѣ кажется одной химерой. Жаль этой доброй арміи, оказавшей столько опытовъ чистой преданности—и все даромъ; право, жалости стоитъ! Ждемъ, что было въ Парижѣ.

Это письмо вручить тебѣ сынъ мой Константинъ, котораго я шлю къ новому императору съ отвѣтами; рекомендую тебѣ его. Онъ молодъ, неопытенъ, но добрый и способный малый, исполненный усердія. Не оставь его. Я велѣлъ ему про политику тамъ молчать, но слушать и отвѣчать на вопросы, ни во что не вмѣшиваясь.

С.-Петербургъ.

15-ю (27-ю) Декабря 1848 г.

Кажется, во Франціи Луи-Наполеонъ будетъ президентомъ. Ежели только держаться будетъ въ политикѣ правилъ соблюдавшихся Кавеньякомъ, то намъ все равно, и признать его можемъ. Но ежели за симъ будетъ онъ искать короны или завоеваній, мы его не признаемъ, и можетъ быть война.

С.-Петербургъ.

2-ю (14-ю) Января 1849 г.

Мы болѣе другихъ обязаны Бога благодарить за то, что спасъ насъ отъ гибели, постигшей другихъ, и помогъ стоять стѣной противъ. Ты зодчїй сей стѣны, ты ея блюститель. Какъ же мнѣ послѣ Бога не благодарить тебя, что далъ намъ за твоей защитой прожить спокойно еще годъ. Что дальше—въ рукахъ Божїихъ; будемъ смиренно ждать, что Онъ намъ опредѣлитъ, не будемъ спать, ни ослабѣвать, ни предаваться гордости, кичливости, ни самонадѣянію, ни гнѣву, и будемъ молить, чтобъ Богъ избавилъ насъ отъ ослѣпленія. Дай Богъ, чтобъ духъ въ Россїи и въ особенности въ войскахъ остался тотъ же; лучшаго желать нельзя.

С.-Петербургъ.

21-ю Февраля (5-ю Марта) 1849 г.

Не могъ тебѣ раньше отвѣчать, бывъ всю недѣлю нездоровъ жестокой болью въ лицѣ. При теперешнихъ обстоятельствахъ, какъ бы ни желалъ съ тобой свидѣться, не могу рѣшиться звать тебя сюда; ибо обстоятельства столь быстро мѣняются, что требуютъ безотлагательныхъ мѣръ, въ которыхъ ты одинъ можешь дать разрѣшеніе; потому тебѣ же самому предоставляю рѣшить, можешь ли сюда пріѣхать или считаешь твое временное отсутствіе опаснымъ. Всѣ свѣдѣнія отовсюду говорятъ про новыя смуты. Германія, ища единства, дошла почти до формальнаго распадѣнія на двѣ враждебныя партіи. Въ Берлинѣ въ самомъ не знаютъ, что дѣлать и что хотятъ; всѣ короли пристали къ Австріи, которой болѣе довѣряютъ, чѣмъ сумасброднему королю. Теперь Данія нарушила перемиріе; словомъ, все въ броженіи. Дѣла въ Венгріи для меня не новы; движеніе Дембинскаго пахнетъ неудачей Австрійцевъ; въ Трансильваніи, по сегодняшнему донесенію, генераль Пухнеръ былъ разбитъ Бѣмомъ и въ большемъ безпорядкѣ воротился въ Германштадтъ, гдѣ ему одно спасеніе въ нашемъ отрядѣ.

*

Москва.

1-ю (13-ю) Апрѣля 1849 г.

Мы съ тобой совершенно однѣхъ мыслей. Австрійцы, не сладивъ сами, хотятъ теперь чужими руками жаръ загребать; оно и легко, и пріятно; но я того не хочу. Занять Галицію согласенъ. Ежели мятежники ворвутся туда, ихъ уничтожить тамъ или въ Буковинѣ будетъ наше дѣло, какъ и наше дѣло совмѣстно съ Турками защищать княжества. Но входить въ Трансильванію намъ нѣтъ причины: это дѣло прямо Австрійцевъ. Итакъ, 5-й корпусъ въ княжествахъ, 4-й въ Буковинѣ и Южной Галиціи, а 3-й, ежели нужно, въ Сѣверной: вотъ наше расположеніе. Другое было-бъ намъ невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ и буду отвѣчать. Иначе было-бъ, ежели-бъ Австрійцы въ время просили нашей помощи, которая давно была готова, которую я графу Булю предлагалъ. Теперь же, когда все испорчено, было-бъ глупо мнѣ поправлять Русской кровью ихъ ошибки. Занявъ Галицію, мы освобождаемъ всѣ ихъ войска, тамъ оставшіяся, которыя могутъ быть обращены въ дѣло, и это уже немалая помощь, ибо мы отвѣчаемъ имъ за спокойствіе ихъ тыла.

Жаль очень, что Радецкій неосторожно заключилъ конвенцію перемирія и тѣмъ поставилъ императора въ необходимость ея не утверждать; боюсь, чтобъ дѣло симъ вновь не запуталось и не подало поводъ Французамъ вмѣшаться. Ежели намъ вступать въ дѣло, то не

иначе должно, какъ крайне осторожно, не теряя изъ виду прямыхъ интересовъ Россіи. Мнѣ кажется, что Австрійцы не упоминаютъ объ занятіи Галиціи или изъ недовѣрчивости къ вліянію на одноплеменный старый нашъ край, или они думаютъ, что мы можемъ войти въ Трансильванію изъ княжествъ, что просто глупо и смѣшно.

Здѣсь нашель я все въ отличномъ духѣ и порядкѣ, такъ что сердцу отрада, и набираю этимъ зрѣлищемъ новыя силы на мою тяжелую юдолю! Что видѣлъ 17-ю дивизію—очень хорошо, Бутырскій полкъ—отличный полкъ въ арміи своей красой.

Дворецъ отдѣланъ чрезвычайно хорошо и достоинъ украшать Кремль.

Москва.

*

8-ю (20-ю) Апрѣля 1849 г.

Я велѣлъ послать къ тебѣ Берга, съ тѣмъ, чтобъ ты его снабдилъ полною инструкціей, и онъ съ тѣмъ бы ѣхалъ въ Ольмюцъ объяснить мои намѣренія и условія, на которыхъ я дѣйствовать и помогать имъ готовъ; въ противномъ случаѣ отвѣтить, что я ни во что не вмѣшиваюсь.

Ему же поручаю требовать, въ случаѣ нашего участія, довѣреннаго ихъ офицера, для нахожденія при тебѣ для всѣхъ объясненій. Признаюсь, крѣпко не хочется вступаться во все это. По примѣру прежняго, предвижу одну зависть, злость и неблагодарность, и вѣрно не вмѣшался бы, ежели-бъ своя рубаха не была ближе къ тѣлу, т. е. ежели бы не видалъ въ Бѣмѣ и прочихъ мошенникахъ въ Венгріи не однихъ враговъ Австріи, но враговъ всемірнаго порядка и спокойствія, олицетворенныхъ мерзавцевъ, злодѣевъ и губителей, которыхъ истребить надо, для нашего же спокойствія.

Здѣсь, благодаря Бога, все прекрасно. Вчера былъ въ новомъ дворцѣ маскарадъ, на которомъ вышло до 14 т. душъ, и все было тихо, радушно, весело, такъ что сердце у меня радовалось, а набрать новыхъ силъ на свое дѣло всегда надобно.

Полагаю 15-го (27-го) отсюда выѣхать, а буде Волга не задержитъ, прибыть 17-го (29-го) въ Петербургъ, гдѣ снова холера разгравается.

Москва.

*

13-ю (25-ю) Апрѣля 1849 г.

Полагаю, что скоро настанетъ намъ время дѣйствовать. Не одна помощь Австріи для укрощенія внутренняго мятежа, и по ея призыву, меня къ тому побуждаетъ; чувство и долгъ защиты спокойствія предѣловъ Богомъ вѣренной мнѣ Россіи меня вызываютъ на бой: ибо

въ Венгерскомъ мятежѣ явственно видны усилія общаго заговора противъ всего священнаго и въ особенности противъ Россіи, ибо въ главѣ мятежа и главными орудіями его вѣчные враги наши, Поляки. Теперь Австрія предоставляетъ мнѣ совершенно образъ и мѣру помощи.

Разумѣется, что кормить должны насъ они; но полагаю, что вѣрнѣе закупать намъ за наличныя деньги или квитанціи, какъ думаешь лучше?

Король Пруссій проситъ меня его помирить съ Австріей, но могу ли сего достигъ, когда правила, руководствующія обоими правительствами, противоположны? Австрія основываетъ свои дѣйствія на правомъ, а Пруссія не хочетъ явнаго разрыва съ революціей; какъ тутъ мирить можно? Но драться за ихъ ссоры *не будутъ* ни за однихъ, ни за другихъ. Вразуми Ридигера, сколь нужно ему будетъ дѣйствовать быстро, осторожно и рѣшительно; надо, чтобъ съ перваго удара нашего дѣло было переломлено въ пользу праваго дѣла. Надо, чтобъ какъ громомъ грянуло и все было кончено. Поляковъ не щадить, главныхъ сейчасъ судить по полевому уложенію и приговоръ исполнять на мѣстѣ; Венгровъ же передавать Австрійцамъ, равно и всѣхъ Итальянцевъ, Французовъ и Англичанъ. Разливъ Волги меня здѣсь задержалъ; онъ, надѣюсь, не измѣнитъ однако моего путешествія къ тебѣ, которое считаю очень нужнымъ.

*

С.-Петербургъ.

18-го (30-го) Апрѣля 1849 г.

Такъ какъ успѣхи Венгровъ приняли самый опасный размѣръ, то они явно за одно съ Поляками, потому и намъ прямо угрожаетъ опасность; отказать въ помощи мы не можемъ, но дать и должны осторожно, дабы успѣхъ былъ елико можно безъ сомнѣнія.

Забираться подъ Вѣну не зачѣмъ ни въ какомъ случаѣ. Думаю, что при всѣхъ значительныхъ силахъ Венгровъ, они вездѣ сильными въ одно время быть не могутъ, и вѣроятно придется драться съ отдѣльными ихъ отрядами, и потому идти, но быстро, разбивъ одинъ за другимъ, и такъ подвигаться впередъ между Дунаемъ и Тейсомъ, примѣрно по направленію къ Песту. Вѣроятно одно наше появленіе облегчитъ Австрійцевъ, отвлекая часть Венгровъ отъ главныхъ силъ на насъ, давъ возможность Австрійцамъ перейти въ наступленіе и, можетъ быть, послужитъ къ конечному пораженію Венгровъ. Ежели Богъ благословитъ, и это будетъ, тогда война приметъ другой оборотъ; останется усмирить край, что уже не наше дѣло, а дѣло домашнее Австрійцевъ. Мы же отойдемъ въ Галицію. Ежели только нужна будетъ помощь Австрійцамъ для покоренія Трансильваніи, тогда, кажется, можно будетъ дать ее изъ Буковины и Южной Галиціи 10-ю и 11-ю

дивизіями, теперь долженствующими занять сей край. Ежели дѣла примутъ хорошій оборотъ, то все должно скоро кончиться, и тѣхъ силъ, которыя у тебя уже подъ рукой, будетъ на первый случай достаточно. Но я люблю рассчитывать навѣрное, и для того считаю очень нужнымъ усилить кавалерію приводомъ драгунскаго корпуса и 2-хъ Донскихъ батарей къ Дубнѣ. Ежели дѣло потянется вдаль, очень будетъ полезно употребить сей отличный корпусъ на равнинахъ Венгрии, гдѣ онъ можетъ чудеса надѣлать. Отъѣздъ мой попрежнему 1-го (13-го) Мая, везу и Нессельроде, который мнѣ по обстоятельствамъ можетъ быть необходимъ. Что-то Бергъ привезетъ?

*

С.-Петербургъ.

23-ю Апрѣля (5-ю Мая) 1849 г.

Мы видимъ, что на Австрійцевъ нѣтъ никакой надежды; дай Богъ, чтобъ они хоть Вѣну отстояли. Мы будемъ имѣть дѣло съ главными силами Венгровъ, усиленныхъ канальями Поляками и припелъцами со всѣхъ сторонъ. Надо все твое знаніе дѣла, все твое искусство на одолѣніе; но нужна и сила значительная, гораздо значительнѣе прежней.

Конечно не мнѣ тебѣ начертать планъ; объ одномъ прошу, не увлекайся просьбами Австрійцевъ, дай себѣ срокъ собрать всѣ условія успѣха и тогда съ Богомъ, дѣйствуй какъ на нашихъ враговъ быстро, по-русски. Не щади каналій. Ежели Вѣна и потеряна, дѣло ты исправишь, уничтоживъ гнѣздо бунта.

*

С.-Петербургъ.

27-ю Апрѣля (9-ю Мая) 1849 г.

Какъ уже по телеграфу тебѣ писалъ, такъ и теперь повторяю, крайне жалѣю объ посылкѣ дивизіи въ Вѣну; она Вѣны не спасетъ, а можетъ пропасть даромъ, тогда какъ нужнѣе чѣмъ когда, чтобъ были мы сосредоточены и не иначе дѣйствовали какъ массой, могущей рѣшить дѣло. Мы теряли Москву, но не погибли; неужели Австрія, столь часто уже терявшая Вѣну, на сей разъ безъ нея обойтись не можетъ, тогда какъ увѣрена въ близкомъ нашемъ появленіи въ тылу врага! Но дѣло прошедшее, я могу ошибаться и слишкомъ вѣрю и уважаю твое мнѣніе, чтобъ съ тобой спорить или препятствовать дѣйствовать по твоему убѣжденію; ты Варшавскій герой, а я твой старый бригадный командиръ на парадной площади.

Полагаю ѣхать въ ночь на 2-е (14-е) и могу быть у тебя, думаю, 5-го (17-го), вечеромъ*). Въ Лазенкахъ вели поставить внутренній ка-

*) Въ это Варшавское пребываніе Николая Павловича, императоръ Австрійскій Францъ-Иосифъ, на виду народа, цѣловалъ ему руку.

рауль отъ гвард. казачьяго полка. въ комнатѣ, въ которой стоятъ уборныя 7—0*), которыя переставить по дверямъ круглой залы и постѣ, гдѣ они стояли, равно и на лѣстницѣ ко мнѣ, занимать казакамъ. Французскую республику я призналъ, ибо они исполнили условія моего признанія. Желательно, чтобъ Французское правительство осталось только при нынѣ руководящихъ имъ правилахъ. Здѣсь мы шайку нашихъ арестовали, слѣдствіе идетъ и объяснитъ намъ многое.

*

Варшава.

10-го (22-го) Юня 1849 г.

Теперь дай мнѣ тебя побранить за то, что ты, вопреки моей усердной просьбѣ, изволилъ ѣздить за форпосты. Не грѣшно ли тебѣ всѣхъ насъ пугать? Чтò стоило бы подать цѣпь впередъ! Охъ, отецъ-командиръ, не любишь ты меня, ежели моими усердными молитвами пренебрегаешь. Вспомни, кто ты и чтò на тебѣ! Не сердись на стараго твоего бригаднаго: онъ тебя сй-ей душевно любить!!! Неужели ты этого не знаешь?

*

Варшава.

19-го Юня (1-го Юля) 1849 г.

20-го (2-го). Сейчасъ прибылъ изъ Австрійской арміи флигель-адъютантъ Бенкендорфъ съ письмомъ отъ императора, извѣщающимъ меня объ взятіи Рохда, послѣ небольшой канонады. Молодой императоръ самъ подвергся опасности, перейдя со стрѣлками разобранной мостъ молодцомъ, но не слишкомъ осторожно. Въ письмѣ онъ настаиваетъ, чтобъ Граббе шель впередъ; я на это отвѣчать не буду, но Граббе предоставляю дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не исключая возможности и подвинуться, когда 4 баталіона, 2 батареи и 16 эскадроновъ его усилятъ и Австрійская армія безпрепятственно дойдетъ до Коморна къ Пешту и мостъ будетъ ими наведенъ между Пресбурга и Коморна для облегченія сообщеній съ Чоричемъ, оставленнымъ на лѣвомъ берегу Дуная. Ранѣе же Граббе было смѣшно и думать выдвигать впередъ. Тогда же, напротивъ, онъ почти что примкнетъ къ правому флангу твоему, ежели пойдетъ на Офенъ.

*

Варшава.

22-го Юня (4-го Юля) 1849 г.

Непріятель, кажется, растаялъ, и дай Богъ, чтобъ было такъ, отъ одного страха твоего появленія; тогда значить, что Богъ услышалъ молитвы мои, чтобъ щадить дорогую Русскую кровь. Чтò далѣе? Раз-

*) Не понятно. П. Б.

умѣю очень, сколь тебя стѣсняетъ затрудненіе въ продовольствіи: кажется, однако, по словамъ Николаи*), что всѣ подвозы пмъ встрѣчены исправно, и теперь, съ наложенной контрибуціей на Дебречинъ, можно надѣяться, что ни въ чемъ недостатка не будетъ. Ужасаетъ меня одна холера.

*

Александрія, близъ Петерофа.

6-го (18-го) Юля 1849 г.

Непонятно поведеніе короля Виртембергскаго; говорятъ, что будто онъ къ тому былъ вынужденъ отказомъ войскъ за нимъ слѣдовать. За то король Баварскій началъ хорошо дѣйствовать, равно и Гановерскій. Объявленіе короля Прусскаго хорошо, ежели это принять можно какъ первый шагъ къ разрыву съ Франкфуртомъ и ежели коичить пакостную войну съ Датчанами. Сношенія наши съ Англіей и съ Франціей очень хороши, и съ этой стороны все въ порядкѣ. Отъ Граббе изъ Царьграда еще ничего не получалъ, но знаю, что его приѣздъ тамъ произвелъ полезное впечатлѣніе.

Важная настала минута; но, съ помощью Божіей и съ твоимъ дружескимъ совѣтомъ и содѣйствіемъ не теряю надежды. Подтверди по войскамъ быть крайне осторожными въ обхожденіи съ жителями, войди въ сношеніе съ властями, чтобы запечатывали книжныя лавки и cabinets de lecture до истребленія въ нихъ вредныхъ публикацій и книгъ; приостановить свободу книгопечатанія необходимо во всемъ занятомъ нами краѣ. Мой отъѣздъ попрежнему, и хотя уже войскъ кромѣ резервныхъ не найду въ Брестѣ, ѣду тѣмъ путемъ, чтобы ихъ видѣть. Думаю быть въ Варшавѣ 12-го (24-го). Жена тебѣ кланяется и радуется, что Богомъ тебѣ предоставлено укротить и сей бунтъ. Аминь.

*

Варшава

16-го (28-го) Юли 1849.

Доходятъ слухи, что у насъ завелось потворство на грабежъ и мародерство. правда ли? Прошу тебя настоятельно сдѣлать наистрожайшій примѣръ не только надъ грабителями, но и въ особенности надъ тѣми постыдными начальниками, которыхъ слабость или равнодушіе къ *моей воли*, изложенной ясно въ приказѣ моемъ, при вступленіи въ Венгрію. Подобнаго срама я и знать не хочу въ моей арміи. Отвѣчай мнѣ на это. Иду тоже представленій о наградахъ отличившихся. Желалъ бы имѣть тоже подробное донесеніе объ дѣлахъ при Вайценѣ и въ преслѣдованіи, я объ нихъ знаю только въ общемъ очеркѣ.

*) Это Леонтій Павловичъ, братъ будущаго министра народнаго просвѣщенія.

Затѣи Венгровъ объ Костѣ*) или объ поступленіи подъ нашу державу тѣмъ только важны, что подобіе Поляковъ показываетъ ихъ беземысліе; но и сколь трудно будетъ устроить вновь край, при отсутствіи силы и безъ яснаго понятія, въ какомъ положеніи край. Это стоитъ будетъ трудовъ не менѣ войны.

Король Прусскій прислалъ мнѣ чрезъ Рохау настоятельную просьбу, его примирить съ Австріей; задача не легкая, доколь основанія вражды существуютъ безъ перемѣны. Впрочемъ, Пруссія день ото дня возвращается, опытомъ зла, къ здравому разсудку, но тихо, постепенно. Даже во многихъ мѣстахъ не хотятъ больше ни конституціи, ни выборовъ, а просто желаютъ воротиться къ прежнему порядку, и чудо! Король самъ признался, да поздно, что этотъ оборотъ на прежнее былъ бы самое счастливое дѣло, но у него ни духа, ни головы нѣтъ, чтобъ сумѣть это сдѣлать. Ежели ты найдешь удобнымъ исполнить по моимъ предположеніямъ, то прошу тебя, когда ты опредѣлишь свое возвращеніе, велѣть и Костѣ возвратиться сюда. Нетерпѣливо ждуть буду извѣстій, каковъ ты, уничтоженъ ли Гѣргей и что рѣшилъ далѣе.

*

Варшава.

29-го Июли (10-го Августа) 1849 года.

Вчера былъ здѣсь князь Шварценбергъ, присланный императоромъ, чтобъ объяснить все положеніе ихъ дѣлъ; оно не блестяще. Я ему откровенно все объяснилъ и не скрылъ твоихъ и моихъ мнѣній насчетъ будущаго положенія Венгрии и необходимости сообразить теперь же, чѣмъ они насъ смѣняютъ, и есть ли у нихъ довольно способовъ, чтобъ обезпечить спокойствіе края. Онъ говорить, что они ставятъ 100 тысячъ войска и весь край подъ военнымъ управленіемъ. Очень желаютъ, чтобы мы продолжали занимать Галицію, что я рѣшительно отклонилъ. Мы такъ и условились: по окончаніи войны противъ устроенныхъ армій, наша армія воротится домой; но дабы Галиція могла быть обезпечена, наши войска вдоль границы будутъ въ готовности въ нее войти при первой надобности. Теперь надо желать, чтобъ военныя дѣйствія могли ведены быть какъ возможно быстрѣе и настойчивѣе, чтобъ кончить до дурной погоды и дурныхъ дорогъ. Иначе мы потеряемъ половину арміи отъ болѣзней и распутицы. Да поможетъ въ семъ Господь, а за Его помощію полагаюсь вполне на моего отца-командира. Дай Богъ тебѣ силъ и здоровья!

Отцовское мое сердце радовалось, читая твои лестныя строки для сына. Счастливъ онъ, что могъ заслужить твое доброе мнѣніе, а еще

*) Вспоминалось ли это великому князю Константину Николаевичу въ 1862 году? П. Б.

болѣе, ежели изъ твоихъ рукъ удостоится ордена св. Георгія 4-й степени; не мнѣ его удостоивать: это принадлежитъ тебѣ, и я этимъ горжусь за сына.

Здѣсь все тихо и хорошо, кромѣ холеры, которая въ войскахъ усиливается. Прибыль Французскій посланный, извѣстный генераль Ламорисьеръ; все, что онъ мнѣ говорилъ, прилично. Пруссія съ Австріей близки къ разладу, и я долженъ ихъ мирить: дѣло не легкое, и для чего и молю Бога объ скорѣйшемъ окончаніи, дабы снова армію имѣть подъ руками и тѣмъ имъ сказать: „не дурачьтесь, а не то я васъ!“

Варшава.

*

4-ю (16-ю) Августа 1849 г.

Слава и благодареніе милосердному Богу, слава и благодареніе тебѣ, мой любезный отецъ-командиръ! Ты достигъ вознагражденія за твою твердость, за твое терпѣніе. Что же мнѣ сказать про то чувство, которое мной овладѣло при полученіи твоего радостнаго извѣстія? Я палъ на колѣни и благодарилъ Бога за то, что Онъ любитъ православную Россію, и благодарю тебя, Его орудіе, того, котораго вторично воля Его призвала на поправленіе мятежа, и на сей разъ, къ счастію, безъ дальняго пролитія нашей драгоценной Русской крови.

Да воздастъ тебѣ Господь за всѣ твои великія услуги, я же прижимаю тебя къ сердцу отъ благодарной души.

Въ знакъ моей признательности и благодарности предъ Россіей и той арміей, которую ты вель на новую славу, я приказалъ тебѣ отдавать вездѣ и въ моемъ присутствіи всѣ тѣ почести военныя, которыя уставомъ опредѣлены моему лицу.

Сына моего, Наслѣдника, я посылаю сегодня съ симъ извѣстіемъ въ Вѣну къ императору и прошу помиловать Гѣргея или дозволить мнѣ ему назначить пребываніе въ Россіи.

Ты прекрасно поступилъ во всемъ, и я ничего не имѣю прибавить. Остается рѣшить, что дѣлать съ полками. Начальниковъ, положившихъ у насъ оружіе, вели подъ строгимъ карауломъ доставить сюда. Прочихъ нашихъ подданныхъ отослать подъ конвоемъ въ Замосць, гдѣ будетъ можно ихъ участь рѣшить; Галичанъ и прочій сбродъ надо передать Австрійцамъ.

Полагаю, что, кончивъ съ Гѣреемъ и устроивъ обратное движеніе войскъ, ты воротись скорѣе сюда, чего душевно желаю. Я здѣсь тебя дождусь, и потомъ тебѣ и мнѣ надо будетъ серьезно полечиться.

*

Варшава.

7-го (19-го) Августа 1849 г.

Я совершенно доволенъ всѣми твоими рѣшеніями и распоряженіями, по письму къ Ридигеру, Гѣргея. Иного отвѣта и дать нельзя было; прочее зависитъ отъ Австрійскаго императора. Простить онъ, хорошо; ежели нѣтъ, то я дозволю Гѣргею переселиться въ Россію; но никого, ни его, ни другихъ въ службу не приму, ибо они измѣнили своему государю. а такимъ у насъ въ рядахъ никогда мѣста не будетъ.

Записку твою про будущее положеніе Венгріи нахожу совершенно основательною и по всему согласенъ съ тобой и передалъ сыну для доклада императору. Прочее отъ него одного зависитъ и до меня уже не касается, какъ и за послѣдствія не отвѣчаю ни въ какомъ случаѣ. Гѣргея оставь у себя впредь до рѣшенія его участи. Но прошу настоятельно, чтобъ не было со всей этой сволочью никакихъ у насъ близкихъ сношеній, ибо легко отъ этого сближенія и наша молодежь заразиться можетъ. Они бунтовщики, и намъ подло и низко съ ними сближаться; довольно и того, что ихъ милуемъ.

Изъ всѣхъ трофеевъ, буде есть знамена или штандарты, пришли ихъ сюда, прочее все слѣдуетъ возвратитъ *хозяину*-императору.

Удовлетворить прихоти Венгровъ, сдавать крѣпости однимъ намъ, нахожу противнымъ разсудку и здравой политикѣ. Это не арміи въ полѣ, отъ упорства которыхъ война продлится могла бы; арміи не существуетъ, крѣпости рано или поздно сдаться должны, и *сдаться своему законному государю*, а никому другому; угроза же ихъ подняться на воздухъ—смѣшна, а была-бъ серьезна, то туда имъ дорога, ибо столыкими же каналами на свѣтъ меньше будетъ, а казнить ихъ своя собственная рука.

Саблю Гѣргея прошу въ арсеналь въ Царское Село, равно и прочихъ начальниковъ.

Въ числѣ плѣнныхъ нашлись ли Поляки и кто такіе? Есть ли тоже наши бѣглецы?

Варшава.

*

11-го (23-го) Августа 1849 г.

Сегодня утромъ прибылъ Саша изъ Вѣны и привезъ мнѣ предлагаемыя здѣсь въ копіи два письма императора и инструкцію, императоромъ данную генералу Гайнау для руководства при разборѣ и участіи плѣнныхъ. Гѣргея императоръ прощаетъ, и я дозволяю тебѣ дать прочесть письмо съ помѣткой моей; вслѣдъ затѣмъ отправь его

съ флигель-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ въ Вѣну прямо къ князю Шварценбергу; прочее исполни по желанію императора, взявъ строгія мѣры, чтобъ никакихъ безпорядковъ не произошло. Императоръ намѣренъ всѣхъ простить послѣ суда надъ бывшими офицерами его арміи, развѣ кто оговоренъ въ другихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Депутатовъ же и прочихъ гражданскихъ вели равномѣрно арестованными сдать Австрійцамъ.

Этимъ считаю и дѣло конченнымъ. Пора намъ возвращать войска.

Варшава.

*

13-го (25-го) Августа 1849 г.

Съ трудомъ берусь сегодня за перо, мой любезный отецъ-командирь: не могу еще опомниться отъ новаго постигшаго насъ неожиданнаго несчастія. Я поручилъ Адлербергу тебѣ передать всѣ подробности; сегодня брату не хуже—вотъ куда одно утѣшеніе; рука и языкъ немного свободнѣе, но положеніе его все крайне опасно. О себѣ не говорю; ты догадываешься самъ, что я чувствую и въ какомъ я положеніи!!!

Горе мое такъ глубоко, что насилу нахожу возможность радоваться постояннымъ добрымъ вѣстямъ изъ арміи. Сегодня получилъ донесеніе Лидерса о сдачѣ бывшаго корпуса Бѣма; итакъ, и тамъ намъ было суждено кончить дѣло. Какъ за это не благодарить Бога, боюсь быть неблагодарнымъ, предаваясь горю; но эти чувства, радость и горе, до того во мнѣ борятся, что, право, съ трудомъ мысли собираю!

Гвардію я возвращаю въ Петербургъ, гренадеръ—на Литву, какъ стояли. Прочее зависитъ отъ тебя; жду, какъ рѣшишь, чтобъ резервы направить туда, куда придется.

На сей разъ больше не пишу, силъ нѣтъ.

Александрія.

*

6-го (18-го) Сентября 1849 г.

Вотъ завтра 8 дней, что я сюда воротился и не могу еще совершенно опомниться отъ постигшаго насъ несчастія: ты лучше всѣхъ судить можешь о моей потерѣ и оцѣнить ее въ полной мѣрѣ. Душевымъ мнѣ было утѣшеніемъ узнать сегодня, что потери наши гораздо менѣе, чѣмъ мы того опасались; за это Бога и тебя благодарю, оно мнѣ точно отрадой. Такимъ образомъ нѣтъ нужды подводить резервные баталіоны въ той силѣ, какъ я предполагалъ сперва, и вся пѣхота будетъ въ полномъ комплектѣ и резервы останутся еще сзади довольно спланными и за отправленіемъ укомплектованія.

Напиши Меду, что я нахожу невозможнымъ и неприличнымъ Граббе долѣе оставлять подѣ Коморномъ. Когда полагали, что присутствіе нашего отряда могло побудить къ сдачѣ, я соглашался, во избѣжаніе пролитія крови, подвѣсть Граббе ближе; теперь же, когда явное упорство мятежниковъ угрожаетъ необходимостью приступить или къ полной блокадѣ или къ осадѣ, унижительно-бъ было для Австріи требовать для столь маловажнаго дѣла нашей помощи. Потому я разрѣшилъ тебѣ приказать Граббе воротиться нынѣ же. Ему же прикажи отправить впередъ уланскую бригаду съ ея конной батареей, какъ тѣмъ, которымъ далѣе идти, а съ остальными войсками слѣдовать, какъ удобнѣе; самому оставить отрядъ, когда дойдетъ до Кракова. Турки струсили отъ присылки Радзивила и, кажется, Поляковъ намъ отдадутъ. Про дѣла въ Римѣ я еще ничего не знаю; жаль будетъ, ежели досель благоразумное поведеніе Франціи измѣнится.

*

Царское Село.

11-го (23-го) Сентября 1849 г.

Дай Богъ исполнить какъ слѣдуетъ послѣдній долгъ незабвенному брату и другу, лишь бы стало моихъ силъ; я хотя и здоровъ, но какъ бы чувствую, что весь мой составъ потрясенъ до основанія, и осталась во мнѣ всегдашняя неувѣренность въ мои силы; сегодня въ первый разъ сѣлъ на коня прогуляться и насилу доѣхалъ.

Прежде еще полученія твоего послѣдняго письма, я тебѣ самъ выразилъ мысль, что нѣтъ ни нужды, ни приличія участвовать намъ въ осадѣ Коморна; кромѣ бесполезности я нахожу, что оно было бы унижительно для Австрійцевъ, которыхъ всѣ силы свободны нынѣ для военныхъ дѣйствій. Ежели слухъ объ отвѣтѣ Радецкаго императору справедливъ, то онъ достоинъ почтеннаго героя-старика.

Эрцъ-герцогъ Леопольдъ отзывается насчетъ Гайнау съ самой дурной стороны; онъ былъ у него подѣ командой и говорить, что всѣ его подчиненные его ненавидѣли за грубый и сумасбродный нравъ. Не могу тебѣ выразить, сколь я радуюсь, что умершихъ такъ мало! Честь и слава твоему попеченію, и спасибо лѣкарямъ: свое дѣло хорошо исполнили. Теперь съ прибытіемъ резервовъ, вся армія будетъ въ полномъ комплектѣ.

*

Царское Село.

18-го (30-го) Сентября 1849 г.

Все совершилось! Утромъ отдали мы послѣдній долгъ дорогому брату, и вмѣстѣ съ нимъ исчезли въ могилу 50-ти лѣтняя дружба, всѣ младенческія и дѣтскія и юношескія воспоминавія, съ нимъ. моимъ

спутникомъ и товарищемъ въ сей жизни! Чтò мнѣ говорить тебѣ про мои чувства; молю Бога, чтобъ сподобилъ и мнѣ покончить какъ онъ, на службѣ; посвятаться ей съ юныхъ лѣтъ, я другой мысли не имѣю, какъ кончить тогда, когда я на нее болѣе неспособенъ буду! До того буду тянуть лямку сколько моихъ силъ и способностей станеть, не унывая, но уповая на милосердіе Божіе, доколь Ему угодно будетъ, чтобъ я продолжалъ. Но больно изъ 4-хъ остаться одному мнѣ.

Дѣла наши съ Турками приняли очень непріятный оборотъ, благодаря проискавъ каналы Стратфорга-Канинга. Не знаю еще, какъ покончу; чтò рѣшу, тебѣ дамъ знать. Ежели-бъ не было этого, то началъ бы приводить хоть часть арміи въ мирное положеніе; теперь же нельзя, развѣ по резервамъ что-либо уменьшу.

Я очень радъ добрымъ вѣстямъ объ здоровьи арміи и объ хорошемъ состояніи возвращающихся войскъ. Резервы уже тронулись; пошлю повѣрять, какъ слѣдуютъ, своихъ адъютантовъ. Третьяго дня видѣлъ, при вѣздѣ тѣла, резервы гвардіи въ самомъ отличномъ и превосходномъ состояніи, гренадеры слабѣе. Послѣ завтра я намѣренъ сдѣлать имъ общій смотръ.

*

Царское Село.

23-го Сентября (5-го Октября) 1849 г.

По содержанію везомаго письма отъ султана рѣшу, приму ли Фуада-Эфенди или нѣтъ. Мы не можемъ допустить явнаго нарушенія трактатовъ. Глупости, которыя рассказывалъ тебѣ Буль про влияние Венгровъ на нашихъ, не заслуживаютъ никакого вниманія, ибо въ Вѣнѣ про это имъ знать нельзя; ты ближе всѣхъ узнать можешь, и узнаешь, какъ мы съ тобой условились. Ежели и была такая работа, то вѣрно не на солдатъ, а на офицеровъ. Вчера смотрѣлъ весь гарнизонъ; 12 баталіоновъ гвардіи весьма хороши; 12 баталіоновъ гренадеръ сегодня; но все хорошее и надежное войско. Теперь приступлю къ смотру резервныхъ эскадроновъ и рекрутъ. Силы мои чуть-чуть поправились, и головокруженія не было, хотя голова все болитъ, и на конѣ я плохъ.

По дѣламъ все идетъ въ порядкѣ, занимаюсь смѣтами и любопытствую знать, много ли у тебя осталось суммъ къ зачету, за время нашего заграничнаго похода, за которое время содержаніе арміи и госпиталей падаетъ на счетъ Австріи? Полагаю, что долженъ оставаться не одинъ милліонъ.

*

Царское Село.

27-го Сентября (9-го Октября) 1849 г.

Благодарю тебя любезный отецъ-командиръ за два письма и благодарю Бога, что все благополучно идетъ, и войска исправно возвращаются, не смотря на всѣ злостные рассказы иностранныхъ журналовъ. Надѣюсь, что приложено будетъ все должное стараніе всѣми частными начальниками исправить все, что должно было разстроиться походомъ. и жду донесенія объ инспекторскихъ смотрахъ, которые надѣюсь, честно исполнены будутъ. Резервы уже тронулись, но назначенные въ 3-й корпусъ придутъ поздно за дальностію похода. Хорошо бы отправлять, что можно, по желѣзной дорогѣ, дабы хоть нѣсколько ускорить ихъ прибытіе, равно и возвращеніе кадровъ резервныхъ баталіоновъ.

Вотъ безымянное письмо, которое сегодня получилъ Орловъ; содержаніе его довольно важно; передаю его тебѣ, чтобъ узнать твое мнѣніе. Письмо это основательное, и въ такомъ случаѣ какъ тому помочь? Конецъ подъ Коморномъ не дѣлаетъ чести разсудительности Австрійцевъ. Надѣюсь, что Граббе для пустой церемоніи не оставилъ покуда своего отряда. Конецъ Бѣма достоинъ этого канала. Фуадъ-Эфенди прибылъ, я его еще не видалъ; говорятъ, онъ очень тихъ и скромнень. Кажется, дѣла Австріи и Пруссіи приняла лучшей оборотъ, и обойдется на сей разъ безъ ссоры; потому я намѣренъ кое-что привести въ мирное положеніе, дабы нѣсколько уменьшить издержки, крайне обременительныя; какъ же исполнить, еще обдумываю. Вчера смотрѣлъ болѣе пяти тысячъ войска рекрутъ для гренадеръ, прекрасныхъ и весьма хорошо подготовленныхъ. Сегодня резервные дивизионы кавалергардовъ и конной гвардіи; я былъ очень доволенъ.

Здѣсь все тихо и спокойно; на дняхъ начнется судъ надъ канальями открытаго весной заговора.

*

Царское Село

5-го (17-го) Октября 1849 г.

Три дня тому, какъ получилъ твое письмо отъ 29-го Сентября (11-го Октября), любезный отецъ-командиръ, за которое душевно благодарю. Всѣги объ благополучномъ возвращеніи войскъ меня крайне радуютъ; надѣюсь, что подробный осмотръ ихъ состоянія совершенно успокоитъ насъ насчетъ ихъ положенія. Думаю, что и отрядъ Граббе воротится не менѣе въ хорошемъ положеніи.

Поведеніе Австрійскаго правительства непонятно: въ то время какъ они разстрѣливаютъ и вѣшаютъ добровольно намъ сдавшихся въ

Арадъ, въ Коморнѣ упорнымъ бунтовщикамъ даруютъ не только пощаду, но и выгодныя условія и даже свободный выѣздъ за границу!

Что значить такое противорѣчiе?

Вчера видѣлъ я Фуадъ-Эфенди съ повинной головой. Онъ тихъ, смиренъ, винить свое правительство и вызвался просить его согласиться на мое требованiе. Оно въ томъ, чтобъ ежели выдать не хотѣли намъ, такъ чтобъ выгнали отъ себя всѣхъ Поляковъ, съ какими паспортами они бы ни проживали. Бѣма магометанство его не радуеть, и всѣхъ ихъ онъ признаеть крайне опасными для нихъ самихъ.

Гатчина.

*

12-го (24-го) Октября 1849 г.

Свинства Англичанъ и Французовъ болѣе и болѣе объясняются, но они меня нимало не пугаютъ; напротивъ, я считаю счастливымъ для себя событiемъ, что они личину сбросили, и вся безстыдная злость ихъ на наше величiе обнаружилась. Теперь болѣе, чѣмъ когда, мы видимъ, что мы стоимъ одни, какъ скала посреди моря; ихъ злоба объ насъ разобьется, и наше презрѣнiе отплатитъ за ихъ наглость. Все зависитъ нынѣ отъ того, изгонять ли Турки Поляковъ, или нѣтъ, ибо они сами на это вызвались; ежели будетъ такъ, то и дѣлу конецъ, но буде не исполнять, можетъ быть худо. Для того я всѣ свои мѣры готовлю къ Апрѣлю и сроки отпусковъ опредѣлилъ по этому. Резервные баталiоны всѣ въ пути, резервнымъ же баталiонамъ 2-го и 3-го корпусовъ, по сдачѣ ими рекрутъ и по обмѣну людьми, нельзя будетъ воротиться ранѣе Апрѣля. Да оно и хорошо, на случай похода будетъ покуда чѣмъ занять крѣпость и самую Варшаву. Возвращать же зимой было-бъ перемучить людей понапрасну. Жду нетерпѣливо донесенiй объ состоянiи воротившихся войскъ; адъютанты мои поѣхали.

Въ Воскресенiе жду сюда Преображенскiй полкъ и намѣренъ его здѣсь встрѣтить.

Царское Село.

*

22-го Октября (3-го Ноября) 1849 г.

Вполнѣ раздѣляю твое мнѣнiе насчетъ поведенiя Австрiйскаго правительства; его фальшивость болѣе и болѣе обнаруживается. Мой языкъ съ ними зато принялъ гораздо положительнѣйшее выраженiе, и я называю всѣ ихъ дѣйствiя заслуженнымъ именемъ. Со вниманiемъ прочелъ я твое возраженiе на отвѣтъ Берга Адлербергу; во многомъ съ тобой согласенъ, но не во всемъ, ибо не вѣрю злomu умыслу Берга, а еще менѣе, чтобъ онъ имѣлъ тайное дерзкое намѣренiе—поричать: онъ глупо писалъ, глупо думалъ и глупо дѣйствовалъ, за что

я ему и пропѣлъ все заслуженное; другого же во всемъ этомъ не вижу, и недостойно-бъ было и подозрѣвать. Думаю, что наше Турецкое несогласіе кончится миролюбно. Всѣ Англійскія интриги не думаю, чтобъ ко другому привели, какъ къ смѣшной напрасной прогулкѣ флота ихъ 16 кораблей и за нимъ 7 Французскихъ; столь смѣшная угроза обращается къ ихъ собственному стыду.

Дѣла въ Германіи ничуть не идутъ къ лучшему; кромѣ сближенія Австріи съ Пруссіей, все прочее въ совершенномъ смѣшеніи, и дерзость революціонной партіи все таже. Во Франціи, какъ пишетъ Киселевъ, все близко къ новому потрясенію. Ждутъ попытки президента объявить себя императоромъ, и, какъ будто изъ-подъ руки, Англійское правительство тому покровительствуетъ, съ злымъ намѣреніемъ продлить смуты, которыя имъ менѣе страшны, чѣмъ сильная и спокойная Франція. Адская политика!

Царское Село.

*

5-го (17-го) Ноября 1849 г.

Какія бы ни были тайныя причины, побудившія Австрійцевъ сдѣлать намъ предложеніе ликвидаціи, предложеніе это столь выгодно, что я, конечно, на него согласенъ. Желая однако избѣгнуть всякихъ расчетовъ, или доплаты, или отдачи послѣ уплаты, и потому хотѣлось бы мнѣ опредѣлить круглую достаточную сумму, напр., включая и Лидерса корпусъ, 4,500,000 серебромъ. Лишняго не будетъ, но и не придется намъ требовать доплаты, что было-бъ неудобно. На этомъ основаніи можемъ заключить дѣло. — Французская и Англійская эскадры получили приказаніе воротиться. Стоило имъ ходить! Не глупо ли? Съ Турками главное дѣло кончено, но буду отъ нихъ требовать отчета, зачѣмъ пустили Англичанъ въ устье Дарданелль; пропускать это не могу. Перемѣна министерства во Франціи покуда еще мирно обошлась, и какъ кажется оттого, что всѣ партіи боятся одной красной и от сей боязни не смѣютъ возбудить распри, дабы не подать случай красной партіи торжествовать. Ламорисьеромъ здѣсь я очень доволенъ: онъ ведетъ себя прилично и умно.

Германскія дѣла ничуть не идутъ къ лучшему: ежели Пруссаки не откажутся отъ несчастнаго намѣренія созвать парламентъ въ Эрфуртъ, быть бѣдѣ, и возобновятся всѣ прежнія сумасбродства, хотя ничѣмъ кончиться новымъ не можетъ, какъ ихъ разгономъ; ибо оно всегдѣмъ надошло, хорошимъ по безпутству, дурнымъ потому, что имъ этого мало, а хотятъ рѣзни: впрочемъ, кажется, что число здравомыслящихъ прибавляется. Гвардія болѣе половины уже воротилась, и все нашель въ отличномъ видѣ.

*

Царское Село.

7-го (19-го) Ноября 1849 г.

Посылаю тебѣ съ этимъ письмомъ свиты моей ген.-м. Ефимовича по довольно непріятному дѣлу, которое вѣроятно тебѣ уже извѣстно. Вчера Австрійскій посланникъ получилъ отъ Шварценберга копію съ письма къ нему графа Зичи, въ которомъ графъ Зичи ему доноситъ, что въ Венгріи подъ разными предлогами осталось много нашихъ офицеровъ, которые, оставаясь праздными, себя весьма дурно ведутъ, въ сношеніяхъ съ людьми наиболѣе извѣстными своимъ дурнымъ образомъ мыслей и сами отзываются весьма дурно объ Австрійскомъ правительствѣ, и то и дѣло, что ссорятся съ Австрійскими офицерами. Зичи проситъ немедленной ихъ высылки изъ Венгріи и говорить, что тебѣ объ этомъ доносить. Хотя и желаю думать, что все это преувеличено, что все дѣло кончится нѣсколькими шалунами, но все-таки нельзя не дать вѣры человѣку, какъ Зичи, и оно мнѣ до крайности непріятно.

Требую немедленной присылки изъ каждаго полка, отдѣльнаго баталіона и артиллерійской бригады поименныхъ списковъ всѣхъ оставшихся за границей офицеровъ, съ означеніемъ причины ихъ отсутствія; таковыхъ же списковъ требую отъ корпусныхъ, дивизіонныхъ и бригадныхъ штабовъ обо всѣхъ оставшихся офицерахъ всякаго званія и чиновникахъ, объ чемъ немедленно объяви приказомъ по арміи. съ присылкою ко мнѣ немедленно отъ каждой части и въ собственныя руки.

Ген.-м. Ефимовича посылаю въ Галицію и Венгрію повѣрить вѣрность сего доноса и изслѣдованія истины, и буде гдѣ кого найдетъ празднымъ, арестовать и выслать въ Варшаву, гдѣ ихъ предать арестованными суду. Двоихъ таковыхъ я самъ досталъ изъ Тарнова; не знаю, чѣмъ ихъ судъ кончится. Шутить этимъ не намѣренъ и требую твоего бдительнаго и строгаго содѣйствія. Легко быть можетъ, что чрезъ этихъ молодцовъ къ намъ заносится зараза, и стыдно-бъ намъ не умѣть этого предупредить.

*

С.-Петербургъ.

7-го (19-го) Декабря 1849 г.

Германскія дѣла хуже, чѣмъ когда и, по словамъ Мейндорфа, нѣтъ сомнѣнія, что готовится новая демократическая попытка. Всего болѣе опасаясь я явнаго разрыва Австріи съ Пруссіей, ибо одно это можетъ насъ скорѣе всего завлечь въ войну. Припомни, что я тебѣ говорилъ; наша роль будетъ тогда сказать имъ: „эй, ребята, не дураться, а не то, я васъ!“ Но, чтобъ такъ говорить, на что я рѣшился. мнѣ надобно, чтобъ къ 1-му (13-му) Апрѣля армія была вся готова и комплектна. Недостатокъ людей пополнить можемъ, равно и лошадей.

Но нужно, чтобъ и вся матеріальная часть была въ совершенной и блестящей исправности.

Вчера прибавилъ я порціи на всю армію; надѣюсь, что поможетъ войско держать сытымъ. Съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ я про безпорядки по сей части, бывшіе въ одномъ резервномъ баталіонѣ. Жду донесенія по слѣдствію и строго взыщу съ виновнаго въ злоупотребленіи и съ виновныхъ въ допущеніи подобнаго.

Сегодня узнали мы, что дочь твоя невѣста; жена и я отъ души тебя съ симъ поздравляемъ. Князя Лобанова *) очень хвалятъ.

*

С.-Петербургъ.

25-го Декабря 1849 г. (6 Января 1850 г.)

Раздѣляю твое мнѣніе, что недостатокъ въ деньгахъ можетъ быть препятствіемъ Австріи и Пруссіи перессориться; но ежели не эта причина, то, полагаю, все это направленіе ихъ столь противно въ началахъ, что не могутъ никогда искренно сблизиться. Прусское стремленіе къ владычеству въ Германіи—способами революціонныхъ правилъ. Австрія же, сколько понять можно, покоряется только по необходимости послѣдствіямъ своей революціи, но все дѣлаетъ, чтобъ избѣгнуть всѣхъ ея послѣдствій, и вліянія своего на Германію, вѣрно, охотно не уступить Пруссіи. А чтобъ вдвоемъ единогласно могли вести дѣла, это, кажется мнѣ, еще несбыточнѣе и, вѣроятно, все это окажется во время или послѣ сейма въ Эрфуртѣ. Минута критическая настала для короля Прусскаго признать свой промахъ: гадкую имъ дарованную конституцію, и тѣмъ погребсти навѣки монархію; ждемъ, что будетъ, но хорошаго не предвижу.

Скажи мнѣ, довольны ли солдаты прибавкой имъ порціи, и какія мѣры ты взялъ, чтобъ прибавка эта была имъ въ пользу, ибо при стоянкѣ по деревнямъ не могутъ они симъ пользоваться, и тутъ могутъ быть плутни. Думаю, что вездѣ, гдѣ люди не могутъ жить артелями, а кормятся артелями, надо, чтобъ порціи класть деньгами въ съѣстную сумму каждой роты, а не въ артельную для того, чтобъ во время сборовъ могли тѣмъ лучше кормиться.

Третьяго дня казнены наши преступники, изъ 22-хъ 4 только оказали раскаяніе. Петрашевскій же шутилъ! Злоба на нихъ большая. Сегодня былъ обыкновенный парадъ въ залахъ, для меня крайне грустный, ибо изъ 4-хъ я остался одинъ!!!

*) Князя Михаила Борисовича Лобанова-Ростовскаго, человѣка съ большимъ образованіемъ. П. В.